

УСТАВНЫЕ ЧТЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ПЯТНИЦЫ

1. На утрене Святых Страстей, по 7-м Евангелии

Прп. Ефрем Сирин, Слово о страданиях Спасителя

Боюсь говорить и коснуться языком сего страшного сказания о Спасителе, ибо действительно страшно повествовать о сем. Господь наш предан сегодня в руки грешников. Для чего же предается Он, Святый и Безгрешный Владыка? Ибо, ни в чем не согрешив, предан сегодня.

Приидите, и узнаем, за что предан Христос Спаситель наш. За нас нечестивых предан Владыка. Кто ж не подивится? Кто не прославит? Рабы согрешили, а Владыка предан, чтобы собственною смертью освободить согрешивших сынов. Сыны погибли и чада тьмы пришли во мраке удержать Солнце, Которое в одно мгновение может поглотить всех. Владыка же, видя их дерзость и гневное движение, с кротостью, добровольно предал Себя в руки нечестивых. И незаконные, связав Пречистого Владыку, ругались над Ним, связавшим крепкого неразрешимыми узами и разрешившим нас от уз греховных. Сплели венец из терний своих, какие принес в плод иудейский виноградник. Ругаясь над Ним, называли царем, плевали незаконные в лице Пречистому, от Чьего взора приходят в трепет все небесные силы и чины ангельские. Вот снова сжимают у меня сердце и печаль и слезы, когда представляю себе, что Владыка терпит от рабов такие оскорбления и укоризны, бичевание, заплевывание и заушение. Приидите, и познаете чрезмерность щедрот, терпение и милосердие сладчайшего Владыки. Был у Него благопотребный раб в раю сладости, и он согрешив предан истязателям. Но Благий, видя, что неможен он духом, умилился к рабу, сжалился над ним и Себя Самого отдал на бичевание за него. Желал бы я умолкнуть по чрезмерному смущению ума и опять убоился, чтобы молчанием своим не уничтожить Спасителеву благодать. Впрочем, со страхом говорю вам; ибо трепещут кости мои, когда представляю себе, что общий всех Создатель, Сам Господь наш, предстоит сегодня пред Каиафой, как осужденный, и один из слуг дает ему заушение. Трепещет сердце мое, когда помышляю о всем этом. - Раб сидит, а Владыка предстоит; исполненный незаконный произносит суд на Безгрешного. Содрогнулись небеса, в ужас пришли основания мира, в изумлении все ангелы и архангелы, Гавриил и Михаил закрыли лица свои крылами; херувимы скрылись за колесами престола, серафимы ударились крылами друг с другом в этот час, когда слуга дал заушение Владыке. И как основания земли выдержали и колебание и трепет в этот час, когда поруган был Владыка? Представляю себе это, и трепещу, и снова прихожу в сокрушение, взирая на долготерпение благого Владыки. Ибо вот содрогаются внутренности мои, когда говорю, что Создатель, по милости сотворивший человека из персти, заушен перстиею.

Придем в страх, братия, и не просто будем выслушивать все то, что Спаситель претерпел за нас. Скажи, жалкий слуга, за что заушил ты Владыку? Всякий раб, когда освобождают его от рабства, для приобретения временной свободы принимает заушение; но ты, жалкий, сам несправедно заушил Освободителя всех! Что же ожидал ты получить от Каиафы в награду за сие заушение? Или не слышал, не узнал ни от кого, что Иисус - Небесный Владыка? Заушение дал ты Владыке всех и соделался на веки веков рабом рабов, предметом укоризны и омерзения, навсегда осужден мучиться в огне неугасимом. Великое чудо, братия, видеть кротость Христа Царя! Заушенный рабом мудро отвечивал Он с кротостью и всяким благочестием. Раб негодует, Владыка терпит; раб гневается, Владыка

исполнен благодати. Кто в час гнева сдержит в себе раздражение и смятение? Но Господь наш совершил все это Своею благодатью. Кто же в состоянии будет изобразить долготерпение Твое, Владыка!

Приидите, о возжеленные, возлюбленные Христом, приобретшие сокрушение и любовь Спасителю, приидите узнать, что совершилось сегодня в Сионе, граде Давидовом, что сделало сегодня возлюбленное и избранное семя Авраамово - Пречистого Владыку предало оно смерти в день сей. Христос Спаситель наш руками незаконных несправедливо распят на древе крестном. Приидем все и с воздыханиями будем обливать тело свое слезами; потому что Господь наш, Царь славы, предан смерти за нас нечестивых. Если кто внезапно слышит о смерти возлюбленного сродника, или также внезапно видит пред очами возлюбленного своего лежащего мертвым, - изменяется в лице и омрачается светлость взора его. Так и ясное солнце, с небесной высоты увидев поругание Владыки на древе крестном, изменилось в лице, удержало лучи своей светлости, не потерпело взирать на поругание Владыки, облеклось печалью и тьмою. Также и Дух Святой, сущий во Отце, узрев Возлюбленного Сына на древе крестном, сверху до низу раздрав завесу - это украшение храма, немедленно удалился в виде голубя. Все твари были в страхе и трепете, когда страдал Спаситель, Небесный Царь. А мы грешные, за которых и предан Единый Бессмертный, все еще остаемся небрежными. Смеемся ежедневно, слыша о страданиях и поругании Спасителя. Роскошествуем каждый день, прилагая все свое попечение об украшении одежд. Солнце на небе, по причине Владычного поругания, во тьму преложило светлость свою, чтобы и мы, видя это, сделались подражателями. За тебя поруган Владыка на кресте, а ты, жалкий, украшаешь непрестанно наряд одежд своих. И не трепещет сердце твое, не ужасается мысль твоя, слыша это. За тебя нечестивого Единый Безгрешный предан смерти, поруганиям, поношению, а ты рассеянно выслушиваешь все это.

И всему словесному стаду надлежит взирать непрестанно на своего Пастыря и всегда любить и чтить Его; потому что за стадо Свое пострадал Он Бесстрастный и Пречистый; и не одеждами должно величаться тленными, а также не роскошною жизнью, не мирскими яствами, но подвигами и всякою честностью угождать Творцу. Не будем подражателями иудеев: это народ жестокий и непокорный, всегда отвергавший Божии дары и благодеяния. Всевышний Бог, ради Авраама и Завета Своего с ним, с самого начала терпел злонравие народа сего; дал им в пищу манну с неба, а они недостойные возжелевали зловонных снедей - чесноку. Также дал им воду из камня в пустыни; а они за сие, распяв на кресте, дали Ему оцет. Приложим старание, братие, чтобы не оказаться нам сообщниками иудеев, распявших Владыку, Создателя своего; приидем в страх, имея всегда пред глазами страдания Спасителя; будем всегда размышлять о страданиях Его. Ибо за нас пострадал бесстрастный Владыка, за нас распят Единый Безгрешный. Чем воздадим мы за сие, братия? Будем же внимательными к себе самим и не станем уничтожать страданий Его. Приидите все чада Церкви, купленные честною и святою кровью пречистого Владыки. Приидите, - будем размышлять о страданиях со слезами и воздыханиями, страхом преисполняясь мысленно, с трепетом приступая к размышлению, говоря самим себе: "За нас нечестивых предан смерти Христос Спаситель наш".

Вникни, брат, что значит слышимое тобою. Безгрешный Бог, Сын Всевышнего, предан за тебя. Отверзи сердце свое, изучи в точности Его страдания и скажи в себе: "Безгрешный Бог сегодня предан, сегодня осмеян; сегодня поруган; сегодня заушен; сегодня терпел бичевание; сегодня носил терновый венец; сегодня распят Небесный Агнец. Да содрогнется сердце твое, да ужаснется душа твоя. Каждый день проливай слезы при сем

размышлении о Владычных страданиях. Услаждаются слезы сии, просвещается душа, непрестанно размышляющая о страданиях Христовых". - Так всегда размышляя, плачь ежедневно и благодари Господа за страдания, которые претерпел за тебя, чтобы в день пришествия Его слезы твои обратились тебе в похвалу и прославление пред судилищем. Злопостражди и ты, размышляя о страданиях благого Владыки. Претерпи искушения от души. Блажен человек, который пред очами имеет Небесного Владыку и Его страдания, который распял себя самого для всех страстей и для всего земного и стал подражателем собственного своего Владыки. Вот благоразумие, вот расположение боголюбивых рабов, если всегда бывают они подражателями Владыке в добрых делах. Видишь, человек, Пречистого Владыку, висящего на кресте, и осмеливаешься, бесстыдный, в наслаждении и смехе проводить все время, какое живешь ты на земле! Или не знаешь, жалкий, что распятый Господь потребует ответа за все сии небрежения твои, о которых ты, слыша, нерадишь, и роскошествуя смеешься, и проводишь время в различных забавах? Приидет страшный оный день, когда не престанешь плакать и взывать в огне от претерпеваемых мучений, и никто не даст тебе ответа, никто не сжалится над твоею душою.

Поклоняюсь Тебе, Владыка, благословляю Тебя, Благий, умоляю Тебя, Святый, припадаю к Тебе, Человеколюбец, и прославляю Тебя, Христе; потому что Ты, Единородный, Владыка всяческих, Единый Безгрешный, за меня недостойного грешника, предан смерти и смерти крестной, чтобы освободить душу грешника от греховных уз. И чем воздам Тебе за сие, Владыка? Слава Тебе, Человеколюбец! Слава Тебе, милосердый! Слава Тебе, долготерпеливый! Слава Тебе, прощающий все грехопадения! Слава Тебе, снисшедший спасти души наши! Слава Тебе, воплотившийся во чреве Девы! Слава Тебе, понесший узы! Слава Тебе, приявший бичевания! Слава Тебе, преданный посмеянию! Слава Тебе, распятый! Слава Тебе, погребенный! Слава Тебе, воскресший! Слава Тебе, проповеданный! Слава Тебе, в Которого мы уверовали! Слава Тебе, вознесшийся на небо! Слава Тебе, возседший с великою славою одесную Отца, и паки грядущий со славою Отца и со святыми ангелами судить всякую душу, уничижавшую святые страдания Твои! В оный трепетный и страшный час, когда подвигнутся небесные Силы, когда пред славою Твоею со страхом и трепетом приидут вместе ангелы, архангелы, херувимы и серафимы, когда еще потрясутся основания земли, и ужаснется всякое дыхание от несравнимо великой славы Твоей, - в оный час да покроет меня рука Твоя под крылами Своими, и да избавится душа моя от страшного огня и скрежета зубов, и тьмы кромешной, и вечного плача, чтобы и я, благословляя, мог сказать: Слава Восхотевшему спасти грешника по великим щедротам Своего благоутробия!

2. На утрени Святых Страстей, после кондака и икоса

Синаксарь во святую и Великую пятницу

Стихи на Распятие:

*Боже, Ты – вечно живой,
и Ты – умерщвленный на древе!
Мертвое тело и с ним –
Слово живого Творца.*

Стихи на разбойника, распятого со Христом:

*Отпер разбойник врата,
что заперты были в Эдеме,*

*Вместо ключа, на кресте
он «Помяни мя...» сказал.*

В Святую и Великую пятницу мы совершаем святые, спасительные и страшные Страдания Господа, Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа: оплевания, заушения, биение по щекам, оскорбления, насмешки, багряницу, трость, губку, уксус, гвозди, копье и сверх этого всего Крест и смерть, которые Он принял ради нас по своей воле, а также спасительное исповедание на кресте распятого с Ним доблестного разбойника.

Как только предан был наш Господь, проданный другом и учеником за тридцать сребренников, приводят Его сперва к первосвященнику Анне. Тот отсылает Христа к Каиафе, где Он, оплеванный, избитый по щекам, подвергнутый глумлению и осмеянию, услышал: Прореки нам, Христос, кто ударил Тебя? (Мф.26,68). Пришли туда и жесвидетели, утверждавшие, будто Он сказал: Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его (Ин.2,19) и называл Себя Сыном Божиим, причем первосвященник, якобы не стерпев хулы, разодрал одежду свою. Наутро ведут Его к Пилату в преторию, но сами туда, как говорит евангелист, не входят, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху (Ин.18,28). "Пасхой" же называет он весь праздник, который тогда, как видно, и был, но Христос совершил ее днем раньше, желая быть принесенным в жертву одновременно с пасхой законной, то есть в пятницу.

Пилат, выйдя, спросил, в чем Его обвиняют, и, не найдя в обвинениях ничего сообразного [с римским законом], отсылает Христа к Каиафе, а тот — снова к Пилату, ибо домогался Его убиения. Пилат же говорит: Возьмите Его вы и распните, и по закону вашему судите Его (ср.: Ин.18,31,19,6). Они же снова в ответ: Нам не позволено предавать смерти никого (Ин.18-31), подстрекая Пилата распять Его. И вот, вопрошает Пилат Христа: Ты Царь Иудейский? (Мф.27,11). А Христос признает Себя Царем, но вечным, ибо Царство Мое — утверждает Он, — не от мира сего (Ин.18,36). Пилат, желая Его отпустить, поначалу заявляет иудеям, что не находит в Нем никакой явной вины. Ссылается также на обычай отпускать в праздник одного из узников, но Варрава оказывается для них удобнее Христа. Пилат, угождая иудеям и подвергнув Иисуса бичеванию, выводит Его в воинском сопровождении облаченного в багряницу, носящего терновый венец, держащего в правой руке трость и терпящего издевательства от воинов, которые восклицали: Радуйся, Царь Иудейский! (Ин.19,3). Но, надругавшись так над Христом в угоду иудеям, Пилат заявляет вновь: "Ничего достойного смерти не нахожу в Нем" (ср.: Лк.23,22). Они же отвечают: "Мы покараем Его, потому что Он называет Себя Сыном Божиим". Покуда все это происходило, Иисус молчал, народ же кричал Пилату: Распни, распни Его! (Лк.23,21), ибо враги хотели подвергнуть Его позорной смерти, чтобы истребить добрую память о Нем. Пилат, словно усовещивая их, спрашивает: Царя ли вашего распну? (Ин.19,15). Они же отвечают, что, кроме кесаря, не имеют иного царя. И поскольку о богохульстве упомянув, ничего не достигли, то снова ссылаются на кесаря, чтобы хоть так безумие свое утолить, почему и восклицают: Всякий, делающий себя царем, противник кесарю (Ин.19,12). Между тем жена Пилата, напуганная страшными сновидениями, послала сказать ему: "Не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне этой ночью много пострадала за Него" (ср.: Мф.27,19). И он, омывшись, как бы слагает с себя вину за кровь Христову. Народ же кричал: Кровь Его на нас и на детях наших (Мф.27,25) и "если оставишь Его свободным, ты не друг кесарю" (ср.: Ин.19,12). Итак, связав Христа, хоть и зная твердо, что Он невиновен, Пилат отдает Его на крестную казнь, Варраву же отпускает. Видя это, Иуда бросил сребренники, вышел вон и, отойдя, умертвил себя чрез удавление, повесившись на дереве, а после лопнул, ибо раздулся до крайности.

Итак, воины, нанеся Христу оскорбление тростью по голове, возлагают на Него крест, а затем, заставив нести тот крест также и Симона из Кириanei, гонят вперед. И придя около третьего часа на Лобное место, там распинают Его, повесив с обеих сторон двух разбойников, дабы и Он считался злодеем. Одежды Его ввиду их убожества воины делят на части, а о бесшовном хитоне Его мечут жребий, преступая крайнюю меру бесчиния. И не только это, но и возле креста находившиеся насмехались: Э! разрушающий храм и в три дня созидающий! Спаси Себя Самого (Мк.15,29-30). И еще: Других спасал, а Себя не может спасти (Мк.15,31). И еще: Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем! (Цк.15,32). Но если бы искренне говорили, то подобало бы им без колебания к Нему присоединиться, ибо Он открывал Себя как Царь не Израиля только, но и всего мира. И вправду, что означало трехчасовое затмение солнца, и притом в середине дня, дабы происшедшее очевидно стало для всех? Что означало земли сотрясение или камней расседание, обличавшее неподатливость иудеев, или многих тел восстание для уверения всех в общем воскресении и обнаружения силы Страдавшего, или храмовой завесы раздрание, как будто храм негодовал, оттого что страждет Прославляемый в нем и многим открывал прежде невидимое? Христос, как говорит божественный Марк, распят был в третий час. А от шестого часа до девятого была тьма, когда и Лонгин-сотник, наблюдая необычайное, и особенно солнце померкшее, с силой возгласил: Истинно Он был Сын Божий (Мф.27,54). Из распятых рядом разбойников один глумился над Иисусом, другой же, укоряя со всей суровостью, запрещал ему, а Христа Сыном Божиим исповедовал. И Спаситель, вознагражден его за веру, обещает пребывание с Собою в раю. Итак, по окончании всех глумлений над Христом, Пилат начертал поверх Него надпись, гласившую: "Иисус Назарянин, Царь Иудейский". И хотя иудеи убеждали его написать не так, но будто бы Иисус Сам о Себе говорил подобное, Пилат возражает: Что я написал, то написал (Ин.19,22). Потом, когда Спаситель возгласил: "Жажду!", смешивают для Него иссоп с уксусом. И сказав: "Совершилось!", Он склонил главу и предал дух (ср.: Ин.19,30). Когда все удалились, приходит к кресту Его Мать и сестра Ее Мария Клеопова (которую Иаков породил за умершего бездетным Клеопу), а также Иоанн, любимый Его ученик. Безумные же иудеи, не довольствуясь зрелищем тел на кресте, просили Пилата, поскольку был великий день Пасхи и пятница, расплющить осужденным голени, дабы скорее наступила смерть. И двоим перебили голени, ибо они были еще живы, но когда подошли к Иисусу и увидели, что Он уже умер, [от меры этой] воздержались. И вот, один из воинов, протерший в угоду безумным иудеям копье, поражает Христа в правый бок, и тотчас истекают кровь и вода, и первое — поскольку Он человек, второе — поскольку Он превыше человека. Или иначе: кровь истекла для нашего приобщения святине Божества, а вода — для нашего крещения. Сей поистине двоеструйный источник заключает в себе установленное ради нас таинство. Это и Иоанн, бывший очевидцем, засвидетельствовал, и свидетельство его истинно, ибо он пишет как сам при всем находившийся и собственными глазами наблюдавший. А если б имел намерение солгать, не написал бы того, что могло показаться бесчестящим Учителя. Говорят, что именно он, присутствуя тогда на месте казни, воспринял в сосуд Божественную и Пресвятую Кровь от источника жизни ребра. И вот, по совершении этих естество превосходящих событий, когда приблизился вечер, приходит Иосиф из Аримафеи, прежде тайный, как и прочие, ученик, и, войдя с дерзновением к Пилату, который был ему знаком, просит тело Иисуса, а тот позволяет взять. И Иосиф, сняв тело с креста, полагает его со всяческим благоговением. Едва наступила ночь, пришел Никодим, неся смирну и алоэ — некую смесь, наспех к тому часу составленную. И обвив тело плащаницей, как было в обычае делать у иудеев, они полагают его поблизости, в высеченном внутри скалы гробе Иосифа, дабы, когда воскреснет

Христос, воскресение Его не приписали кому-то другому. А о смеси алоэ и смирны, по природе клейких, евангелист упомянул с тем, чтобы при виде плащаницы и головного платя, оставленных во гробе, не подумали бы, что Христос украден. И вправду, как тому произойти, когда невозможно отделить их, столь крепко приставших, от плоти?

Таково все чудесным образом совершившееся в продолжение пятницы, и богоносные отцы указали нам вспоминать это с сокрушением и умилением сердца.

Итак, надлежит знать, что Господь был распят в шестой день недели, или в пятницу, потому, что в шестой день изначально сотворен человек. А на кресте в шестой час дня повешен был потому, что в этот же час, как говорят, и Адам простер руки свои, запретного дерева коснулся и умер. Ибо подобало ему и воссозданным быть в час, когда сокрушен был. В саду же погребение потому, что и Адам пал в саду. Горькое питье на кресте изображало запретного плода вкушение, бесчестное обращение — нашу честь, терновый венец — упразднение клятвы, багряница — царское наше одеяние вместо кожаных одежд, гвозди — нашего греха всецелое обездействование, крест — дерево в раю. Ребро пронзенное изображает Адамово ребро, откуда и Ева создана, чрез которую преступление заповеди случилось. Копье огненный меч от меня отвращает. Вода из ребра есть образ Крещения. А кровь и трость были ради того, что ими, словно красными письменами, Господь даровал нам, как Царь, прежнее отечество.

Утверждают, что череп Адамов лежал там, где и Христос, Глава всех, распят был, и потому окрещен он истекшею кровью Христовой. Лобным же место это зовется потому, что лобная кость главы Адамовой, освободившись от земли при потопе, одна только и кружилась на воде, словно видимый какой знак. Из почтения к праотцу Соломон руками всего войска своего покрыл то место множеством камней, почему и именовалось оно с тех пор Лифостротон, или Каменнопостланное. Некоторые же святые говорят, будто из предания известно, что сам Адам погребен там ангелом. Но где труп, там и орел явился (ср.: Мф.24,28) — Христос, вечный Царь, Новый Адам, Который Адама ветхого и при посредстве древа падшего древом исцеляет.

По вышеестественному и безмерному Твоему милосердию к нам, Христе Боже, помилуй нас. Аминь.

3.1. На Царских часах (на 1-м, после Евангелия от Матфея)

Свт. Иоанн Златоуст [Sp.], О предательстве Иуды и о Страстях Господа нашего Иисуса Христа

Вижу церковь мрачною, угрюмо выражающею предательство со стороны своего родного сына. Ужасное дело: и заготовлено убийство, и страдалец — небесный Судия живых и мертвых. Но ужаснее всего: вдруг враг и злоумышленник — недавний ученик и последователь, разом (стала) зверем овца, апостол — отступником от света, раб несогласный — продавцом Владыки; это — (считающийся) двенадцатым после одиннадцати учеников. И почему не назвать мне имени, чтобы не навлекать бесчестия на всех апостолов укрывательством виновника? «Тогда один из двенадцати... пошел» («Шед один от обоюнадесяте»). Кто? «Называемый Иуда» («Глаголемый Иуда») (Мф. 26:14). И еще, чтобы невинный не скрывал виновного (так как мы находим между апостолами другого, названного тем же именем): «Иуда Искариотский, — говорится, — один из двенадцати... пошел» («един шед от обоюнадесяте»). И не один: у него был с собою помощником диавол. Отправившись к архиереям, он сказал: «что вы дадите мне, и я вам

предам Его?» («что хотите ми дати, и аз вам предам его») (Мф. 26:15). Скажи мне теперь, Иуда, предлагающий продать Владыку мира и своего учителя, — во что ты ценишь достоинство ученика? Что вынуждает тебя отправиться на предательство своего царя? В чем ты увидел предпочтение тебе остальных соучеников, что задумал это незаконное дело? Ведь ты знаешь голос Владыки, бывший к тебе и одиннадцати апостолам: "кто хочет в вас быть первым, будь из всех последним и всем слугою" («аще кто хочет быти старей, да будет всех менший, и всем слуга») (Мк. 9:35). Разве не сказал Он наперед этого, чтобы остановить твой замысел? И Он поощрил тебя служением в числе первых, чтобы ты, как последний, подверженный недостойной болезни, не изготовил своего коварства. Если бы ты не был жаден к деньгам, когда дарил иудеям предательство, то можно было подумать, что ты, перенесши что-нибудь несправое, ушел для мщения за несправедливость. Но слова твои: «что вы дадите мне, и я вам предам Его?» («что хотите ми дати, и аз вам предам его»), ясно обнаруживают тебя в твоей коварности.

«Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его» («Они же поставиша ему тридесять сребреник: и оттоле искаше удобна време, да его предаст») (Мф. 26:15–16). Что ты делаешь, Иуда: согласился в тридцати сребрениках за драгоценную жемчужину? Исчисли сначала звезды, которые создал Он только словом, и тогда подумай предать словом Слово.

«Искал удобного случая предать Его» («Искаше удобна време, да его предаст»). Он создал времена и веки, и против Него он искал времени, удобного для своего предательства!

«Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня» («Вечеру же бывшу возлежаше со обеманадесяте ученикома. И ядущим им рече: аминь, аминь глаголю вам, ...един от вас предаст мя») (Мф. 26:20–21). «Он пошел против Меня и вас, и чему научился, того не мог сохранить».

«Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи?» («И скорбяще зело начаша глаголати ему... кийждо их: еда аз есмь, Господи») (Мф. 26:22). Сказанным Он всех побудил к точному исследованию своей совести, у кого сокрытое в сердце (было) чисто. Иисус в ответ сказал: «Зачем вам всем оклеветывать себя предприятием предателя? «Опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня» («Омочивый со мною в солило руку, той мя предаст») (Мф. 26:23). Невольно он указывает на себя, раньше дела говорит, хотя и не желает; имя его сохранится Мною до тех пор, пока он выскажет вам свой замысел против Меня».

«При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал» («Отвещав же Иуда предай сего, рече: еда аз есмь, равви? Глагола ему: ты рекл еси») (Мф. 26:25). «Ты оправдал одиннадцать, показав их невинными в совершаемом тобою. Прими и другое осуждение за то, что думаешь делать по сребролюбию».

«И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: приимите, пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» («Ядущим же им, прием Иисус хлеб, и благословив преломи, и даяше учеником своим, и рече: приимите, ядите: сие есть тело мое. И прием чашу... хвалу воздав, даде глаголя: пийте от нея вси: сия бо есть кровь моя, новаго завета, яже за многия изливаемая во оставление грехов») (Мф. 26:26–28).

"Приимите, пейте из нее все" («пийте от нея вси»). «И ты, — говорит, — предатель, будь участником в вечной жизни; и если останешься в ней, то прощается тебе твой договор с иудеями; а если ты не уничтожишь в себе своего желания, то всегда сознавай, сколь человеколюбивого Владыку ты продаешь». Но он, не воспользовавшись милосердием Владычним, уйдя к иудеям, торопился привести в исполнение свое намерение. «И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и колющими, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» («И... се Иуда един от обоюнадесяте прииде, и с ним народ мног со оружием и дреколми, от архиерей и старец людских. Предаяй же его, даде им знамение глаголя: егоже аще лобжу, той есть: имите его») (Мф. 26:47–48). «Обращайте внимание на мои губы; иначе Слово не может быть предано».

«И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его» («И абие приступль ко Иисусови рече ему: радуйся равви: и облобыза его») (Мф. 26:49). О, поцелуй! Уничтожение мира во вселенной, или, по правде скорее сказать, прекращение мировой войны, хотя ты, Иуда, дерзнул на предательство, не стремясь к этой цели! «Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел?» («Иисус же рече ему: друже, на сие ли пришел еси ") (Мф. 26:50). — Ты дал Мне целование; исполни свой договор с предстоящими».

«Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его» («Тогда приступльше возложивша руце на Иисуса, и яша его») (Мф. 26:50). Отошел предатель чуждым от апостолов, и начальник жизни приведен к иудеям на смерть; приготовлен крест, и гроб создается для жизни; мертвые восстают, и в ад отправляется Иуда; распинается Спаситель с разбойниками, и всех зовет в рай. Ему слава и держава во веки веков.

3.2. На Царских часах (на 3-м, после Евангелия от Марка)

Свт. Иоанн Златоуст, Беседа 85-я на Евангелие от Матфея

«Тогда плевали Ему в лице и заушали Его, другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя». (Матф. 26:67–68)

1. Для чего они это делали, если хотели умертвить Его? Что была за нужда в таком издевательстве? Разве та, чтобы видел ты наглый нрав их? Подлинно, как будто найдя добычу, они обнаруживали свое исступление: порывались бешенством, совершая это торжество, со злобной радостью бросались на Него, выказывая убийственный свой нрав. Подивись же любомудрию учеников: с какой тщательностью они повествуют об этом! Здесь ясно обнаруживается их любовь к истине; то, что кажется бесчестным, они пересказывают со всей точностью, ничего не утаивают, ничего не стыдятся, но еще и за великую честь считают, — и справедливо, — что Владыка вселенной благоволил понести за нас такие страдания. Это показывало неизреченную Его попечительность и непростительную злобу тех, которые со столь кротким и тихим поступали так, как только может поступать лев с агнцем. Ничего, ничего здесь не опущено, ни с Его стороны — в кротости, ни с их — в злобе и жестокости на словах и на деле. Все это предвозвестил и пророк Исаия, так, в кратких словах, выражая это поношение: "как", говорит, «многие изумлялись, смотря на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих» (Ис. 52:14). Что может сравниться с этим оскорблением? На то самое лицо, увидев которое устыдилось море, от которого солнце,

узрев на кресте, скрыло лучи свои, — на то самое лицо плевали, то самое лицо заушали, били по голове, безмерно увлекаемые своим неистовством. Наносили удары самые жесточайшие, били по щекам, заушали, и к этим язвам присоединяли позор оплевания. Мало того, — громко повторяли едкие насмешки, говоря: «прореки нам, Христос, кто ударил Тебя», так как многие называли Его пророком. Другой евангелист (Лук. 22:64) говорит, что они закрывали при этом лицо Его одеждой, то есть, как будто имели перед собой человека самого бесчестного и ничего не стоящего. И не только свободные, но и рабы ругались над Ним с таким безумием. Об этих-то событиях должны мы читать Писание как можно чаще; о них слушать со всем вниманием; начертывать их на сердце нашем: все это для нас истинно честь. Этим я хваюсь: хваюсь не тысячей только мертвецов, которых воскресил Он, но и теми страданиями, которые Он претерпел. Об этом и Павел непрестанно повторяет, то есть, о кресте, о смерти, о страданиях, о поруганиях, о поношениях, о насмешках. Он то говорит: «выйдем к Нему за стан,нося Его поругание» (Евр. 13:13), то проповедует: «вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление» (Евр. 12:2). «Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвой, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько» (Матф. 26:69–75). Странное и неожиданное дело! Когда Петр видел, как только задерживали Учителя, он до такой степени воспламенился, что схватил меч и отрезал ухо; а когда надлежало большее обнаружить негодование, более воспламениться, слыша такие поругания, — тогда он отрекается! Кого, в самом деле, не привело бы в ярость то, что происходило тогда? И, однако, ученик, побежденный страхом, не только не показывает никакого негодования, но и отрекается, не сносит угрозы бедной, бессильной служанки. И не однажды, но и в другой и третий раз отрекается, и в короткое время, и не перед судьями, так как он был во дворе, и служанка спрашивала его тогда, когда он выходил за ворота. Не тотчас почувствовал он и свое падение. Лука говорит, что Иисус воззрел на него (Лук. 22:10), т. е. он не только отрекся, но и тогда, как пел петух, не вспомнил сам по себе, а надобно было, чтоб напомнил ему опять Учитель: взор служил ему вместо голоса. Так он был поражен страхом! Марк же повествует, что петух запел, когда Петр отрекся в первый раз; потом вторично запел, когда тот отрекся в третий раз (Марк 14:68–72), — то есть, точнее, пересказывает о слабости ученика и об его оцепенении от ужаса; а Марк узнал об этом от учителя своего, так как был спутником Петра. Поэтому тем более надлежит удивляться ему, что он не только не скрыл падения учителя своего, но напротив. Потому-то яснее прочих и рассказал об этом, что был учеником.

2. Но как же могут быть справедливы слова Матфея, когда он повествует, что Иисус сказал: «истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Матф. 26:34), тогда как Марк, сказав о троекратном отвержении, упоминает, что «петух запел во второй раз» (Марк 14:72)? Справедливы вполне и здесь нет никакого противоречия. Так как петух в каждый прием обыкновенно кричит по три и четыре раза, то Марк и говорит об этом, желая показать, что и крик петуха не удержал Петра от падения, и не привел ему на память обещания его. Таким образом, и то и другое справедливо. Прежде, нежели петух успел кончить первый прием, Петр отрекся трижды. И когда Христос привел ему на память грех, он не осмелился плакать явно, чтобы по слезам

не быть обвиненным, но «выйдя вон, плакал горько». Когда наступил день, "отвели" Иисуса от Каиафы "к Пилату" (Матф. 27:2). Так как они решились умертвить Его, но сами не могли, по причине праздника, то и ведут к игемону. Размысли же теперь, как они спешили, если даже в праздник совершили такое дело? Так было предуставлено свыше! «Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников» (Матф. 27:3). Это увеличивает вину и его, и их: его — не потому, что он раскаялся, а потому, что раскаялся слишком поздно и сам над собой произнес осуждение, так как сам исповедал, что предал Его; их же вину увеличивает потому, что они, имея возможность переменить свои мысли, не раскаялись. Смотри, когда Иуда раскаивается? Когда уже совершенно и приведено к концу преступление. Таков дьявол: он не дает беспечным взглянуть на грех свой прежде, чем они совершат его, чтобы пойманный не раскаялся. Предатель не трогался тогда, как Иисус столько раз обличал его, но когда уже совершенно преступление, пришло ему на мысль покаяние, — пришло, но уже без пользы. Конечно, заслуживает одобрения то, что он сознался, повергнул сребреники, и не устрасился иудеев; но что сам на себя надел петлю, — это грех непростительный, это дело злого демона. Дьявол отвлек его от покаяния, чтобы оно осталось для него совершенно бесполезным; он же и умертвил смертью позорной и для всех открытой, внушив ему погубить самого себя. Но ты можешь видеть, как истина сияет всюду, даже и в том, что делают, или чему подвергаются враги. В самом деле, такая смерть предателя не заграждает ли уста осудивших Иисуса и не лишает ли их всякого предлога к бесстыдному самооправданию? Что они могут сказать, когда предатель сам против себя подал такой голос? Но посмотрим и на слова, какие они говорили. «Возвратил тридцать сребреников первосвященникам», и сказал: «согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Матф. 27:3–5). Не вынес мучений совести. Но смотри: и с иудеями происходит то же самое, и они, долженствуя очувствоваться после всего, что испытали над собой, останавливаются не прежде как уже совершив преступление. Грех Иуды, то есть, предательство, уже совершен, — а их грех еще не совершен. Но вот, когда и они кончили свое дело, и распяли Иисуса, то и сами приходят в смятение. То говорят: «не пиши: сей есть царь Иудейский» (Иоан. 19:2) (хотя чего ж бояться вам, отчего смущаться, когда мертвое тело уже пригвождено к кресту?), то берегут Его, говоря: «чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого» (Матф. 27:64). Но если ученики и скажут так, то дело можно обнаружить, если оно несправедливо. Да и как похитят те, которые после того, как он был схвачен, не имели смелости остаться с Ним, а самый верховный еще трижды, и отрекся Его, не снеся угрозы служанки? Но дело в том, что они, как я сказал, уже смущались. А что они признавали дело это законопреступным, — это показывают их слова: «смотри сам».

Заметьте это вы, сребролюбцы, и подумайте, что стало с предателем? Как он и денег лишился, и согрешил, и душу погубил свою? Таково тиранство сребролюбия! Ни серебром не воспользовался, ни жизнью настоящей, ни жизнью будущей, но вдруг лишился всего и, от них же самих, получив худой отзыв, удавился. Но, как я сказал, некоторые осматриваются, сделав уже дело. Смотри же, как и эти не хотят теперь вполне почувствовать злодейской решимости, а говорят: «смотри сам», — что особенно увеличивает их вину. Это слова людей, которые сами свидетельствуют о своем злодействе и беззаконии, а между тем, будучи упоены страстью, не хотят отстать от сатанинского предприятия, и безумно прикрывают себя бессмысленной личиной притворного неведения. Если бы это сказано было после распятия, и уже после смерти Его, то и тогда даже слова эти не имели бы смысла, хотя и не столько бы обвиняли их; а теперь, когда Он

еще у вас, и вы властны отпустить Его, как вы можете говорить это? Это оправдание всего более и служит к вашему осуждению. Почему так? Потому, что слагаете всю вину на предателя (говорите: «смотри сам»), тогда как можете отстать от христубийства и отпустить Его. Но нет, они еще состязаются с Иудой в злодействе, присоединяя к предательству крест. В самом деле, что препятствовало тем, которые сказали: «смотри сам», отстать от злодеяния? Но они теперь поступают напротив, — присовокупляют убийство, и во всем, что ни делают, что ни говорят, сами себя опутывают нерасторжимыми узами зла. И после, когда Пилат предоставил им выбор, они предпочли освободить разбойника, а не Иисуса; Того же, Который ничем никого не оскорбил, а напротив, оказал столько благодеяний, убили!

3. Что делает Иуда? Когда он увидел, что трудился бесполезно, и что они не хотят принять сребреников его, бросил их в храме, и «пошел и удавился. Первосвященники, взяв сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та «землей крови» до сего дня. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь» (Матф. 27:6–10). Видишь ли опять, как они осуждаются совестью? Они видели, что купили убийство, а потому не положили в сокровищницу, а купили землю горшечника для погребения странников. Вот свидетельство против них и обличение предательства! Название места громче трубы возвещает всем о гнусном их убийстве. И это делают они непросто, но — «сделав совещание», и поступают так во всем, чтобы никто не остался неповинным в этом беззаконии, но чтобы все были виновны. Это предсказано и в пророчестве. Видишь ли, как не только апостолы, но и пророки со всей тщательностью повествуют о поношениях, проповедуют всюду о страданиях и наперед предсказывают им? А иудеи не поняли этого. Если бы они положили в сокровищницу, дело не обнаружилось бы так ясно, купив же землю, они сделали все гласным и для будущих родов. Внимайте вы, которые убийствами думаете благодотворить ближним, и берете цену душ человеческих. Это милостыни иудейские, или лучше сказать, сатанинские! Есть, подлинно есть и ныне такие, которые, ограбив весьма многих, считают себя совершенно правыми, если бросят десять или сто златниц. О них-то пророк говорит: «заставляете обливаться слезами жертвенник» (Малах. 2:13). Не хочет Христос питаться плодами любостязания, не принимает Он такой пищи. Зачем ты оскорбляешь Владыку, принося Ему нечистое? Лучше презреть томимого голодом, нежели кормить такой пищей. То — дело человека жестокосердного, а это и жестокосердного, и обидчика. Лучше ничего не давать, чем давать чужое. Скажи мне, если б ты увидел двух людей — одного нагого, а другого в одежде, и, раздев последнего, одел первого, то разве не неправ поступил бы ты? Всякий с этим согласится. Если же ты, и отдавая все взятое другому, обижаешь только, а не милуешь, то тогда, когда даешь только малейшую часть из похищенного, и называешь это милостыней, — какого не достоин ты наказания? Если приносившие хромое животное подвергались суду, то ты, который делаешь хуже, какого можешь ожидать прощения? В самом деле, если в ветхом завете хищник, возвращавший самому владельцу похищенное, все еще оставался неправ и притом до такой степени, что даже и тогда, как уплачивал вчетверо против похищенного, едва смывал вину свою, то подумай, какой огонь собирает на голову свою тот, кто не только похищает, но делает еще насилие, и притом возвращает не самому ограбленному, а вместо него отдает другому, и не только вчетверо, но и половины не возвращает, живя притом не в ветхом, а в новом завете? Если такой хищник остается не наказанным, то рыдай о нем по

тому самому, что он собирает себе тягчайший гнев, если он не покается. Думаете ли вы, говорил Спаситель, что только те одни были грешны, на которых упал столп? «Ни, глаголю вам: но если не покаетесь», то и вы потерпите то же самое (Лук. 13:5). Итак, покаемся, и дадим милостыню не из прибытков любостяжания, дадим милостыню щедрую. Представьте себе, как иудеи питали восемь тысяч левитов, кроме них — вдов, сирот, притом исполняли многие и другие должности, а также бывали и на войне. Ныне же Церковь сама содержит поля, дома, дает поземельную за дома, содержит колесницы, конюхов, мулов и другое многое, для вас же, и по причине вашего жестокосердия. Надлежало бы этим сокровищам церковным находиться в руках ваших, а доходом церкви должно бы служить ваше усердие. Теперь же проистекают из этого две следующие несообразности: и вы остаетесь без плода, и священники Божьи не занимаются надлежащим делом. Ужели за апостолами не могли оставаться дома и поля? Почему же они продавали их и раздавали все? Потому что так лучше было.

4. Но ныне, когда вы до безумия заняты житейскими попечениями, когда вы только собираете, а не расточаете, — страх объял отцов ваших на счет участи вдов, сирот и дев, как бы не сгибли толпы этих несчастных от голода, а потому они принуждены были установить такой порядок. Они совсем не хотели заниматься сами такими неподобающими делами; они желали, чтобы только ваше усердие было их собственностью, чтобы от него получить все плоды, а самим бы пребывать в молитвах. Теперь же вы принудили их подражать людям мирским, живущим хозяйством: отсюда все извратилось. В самом деле, когда и вы, и мы занимаемся одним и тем же, то кому умиловать Бога? Мы не смеем отверзть уст, так как церковь является уже ничем не лучше людей мирских. Разве вы не знаете, как апостолы не хотели разделять имений, даже и без труда собранных? А ныне наши епископы в подобных заботах превзошли самих приставников, экономов и корчемников, и в то время как им надлежало бы печься о ваших душах, они каждый день озабочены тем, чем обыкновенно занимаются сборщики, приемщики, счетчики и казначеи. Не напрасно я говорю об этом и изливаю скорбь мою. Я желал бы видеть какое-нибудь исправление и перемену; желал бы, чтобы над нами, удрученными столь тяжким рабством, сжалились, наконец, чтоб вы сделались опять для Церкви и доходом, и сокровищем. Если же не хотите, то вот нищие перед глазами вашими. Скольких можем, не перестанем питать мы; а тех, кого не будем в состоянии призреть, предоставляем вам, — чтобы не услышали вы в страшный день этих слов, относящихся к немилостивым и жестоким: вы Меня видели алчущего, и не напители. Ваше бесчеловечие и нас вместе делает смешными, когда мы, оставив молитву и учение, и другие святые занятия, толкаемся и день и ночь, одни с виноторговцами, другие с хлеботорговцами, третьи с торговцами иного рода. Отсюда ссоры и споры, ежедневная брань, упреки и насмешки; отсюда священнику дают имена, приличные более в мирском хозяйстве, между тем как надлежало бы заменить их совсем другими, и заимствовать наименования от тех действий, от которых заповедали заимствовать и апостолы: от питания нищих, от защиты обижаемых, от попечения о странных, от вспомоществования бедствующим, от смотрения за сиротами, от заступления вдов, от покровительства дев. Эти-то служения и следовало бы выделить себе, вместо попечения об имениях и жилищах. Они-то составляют дорогие редкости и приличные сокровища Церкви, они-то доставляют нам великое удобство, а вам пользу, или лучше, вам же — и удобство, и пользу. Думаю, что благодатью Божьей число собирающихся сюда простирается до ста тысяч; и если бы каждый хотя по одному хлебу подавал нищей братии, то все были бы в изобилии; или если бы каждый уделял по одному оболу (полушке), тогда и бедных не было бы, и мы не стали бы претерпевать столько поношений и осмеяний за заботливость о стяжаниях. Ведь слова: «продай имение твое и

дай нищим, и потом иди за Мной» (Матф. 19:21) прилично могут быть сказаны и первостоятелям Церкви, на счет церковных имуществ. Никому нельзя следовать за Христом надлежащим образом иначе, как оставив всякую грубую и низкую заботливость. Ныне же священники Божьи хлопочут и о собирании винограда, и о жатве, и о продаже, и о покупке вещей. Служившие сени были совершенно свободны от всего этого, хотя им и вручено было служение телесное; а мы, призываемые в самое святилище небес, входящие в истинное святое святых, принимаем опять на себя заботы, свойственные купцам и корчемникам. Отсюда и большое небрежение о Писании, и леность в молитвах, и нерадение обо всем прочем. Нельзя же ведь с одинаковым старанием делить себя на то и другое. Поэтому я прошу и умоляю открыть для нас источники обилия, да сделается ваше усердие и гумном, и точилом нашим. Таким образом и нищие удобно будут питаемы, и Бог будет неумолчно прославляем, и вы, оказывая более успехов в человеколюбии, насладитесь некогда вечных благ, коих все да удостоимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

3.3. На Царских часах (на 6-м, после Евангелия от Луки)

Свт. Георгий Никомидийский, На слова «При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его» (Ин. 19:25) и на боготелесное погребение Господа нашего Иисуса Христа, во святую и Великую пятницу¹

1. Слово наше, возбежав на высочайшую вершину, созывает к себе все творение громким трубным звуком. Ибо, взойдя вместе с Восшедшим на высоту Креста, оно забыло о своем ничтожестве: но, вознесшись вместе с возвышенностью дел, испускает звучный и издали слышимый вопль. Ибо что явилось бы нам выше или светлее настоящего таинства, которым мы были вырваны из преисподних и темных адских недр и переселены к небесному и вечно светлому очагу; благодаря которому мы, сняв печальный покров греха, оделись в светлую ризу усыновления? Ибо через осуждение к нам пришла свобода: через страдания бесстрашие. Через смерть мы, содержащиеся в железных темницах смерти, перенеслись в жизнь вечную. Столь светло для нас и исполнено высшего великолепия то, что совершается ныне, а для содеявших это иудеев страшно и ужасно. Для них печально, для нас славно, для них — плата за богоубийство; для нас — вкушение богопознания; для них плач, для нас ликование; им злодейское убийство, нам благодеяние. Их настроение противоположно нашей радости. Ибо они отважились на противоположное в отношении пришедшего Спасителя. Они оттолкнули: мы приняли; они, выбросив наследника из виноградника, убили его: мы же, взяв Благодетеля внутрь Церкви, оживотворяемся; они — Крест, а мы — через Крест спасение; они копьё и гвозди, а мы — проистекшее через них спасение.

2. Но сладчайшая стрела Твоего страдания, Владыка, пронзив меня, наносит поистине свою собственную рану: и ласкаемый неизреченным Твоим домостроительством, из-за страдания сильнее уязвляюсь бесстрастною Твоею любовью. Но она не в силах сравниться с Твоею любовью к нам, даже если разгорится жарче и неудержимее. Ибо каково некое пламенное кипение природы и горение отеческой любви, что заставили Тебя, по-отечески любящего нас, так поступить ради любимых чад и снизить до такого уничижения, претерпеть такие страдания, без вины, а только из благорасположения к возлюбленным. О, благость Владыки! Над всем надзирающий Бог подпадает злоумышлениям, сопрестольный Отцу Сын осуждается на плоть осужденных людей, с Царя небесных сил

¹ © Пер. с греч. — Д. Е. Афиногенов, 2020 г.

требуют ответа, и невидимой рукою Охвативший все творение терпит пощечины от мерзейшей руки; Восхваляемый тьмами ангелов выносит издевательства и оскорбления; на Украсившего человека венцом дарований надевают терновый венец. Бичуется Исцелитель ран природы; обнажается телесно Тот, Кто божественно облекается в свет, как в ризу; Прикрывающий наготу нашего грехопадения и Переменяющий нам темную одежду греха на световидные хитоны. На Кресте повешен Тот, Кто выстроил небесные выси. Восседающий на высоком и превознесенном престоле прободается гвоздями; Утвердивший землю ни на чем, Положивший ей нерушимым основанием собственное повеление. Укусом и желчью поят Произведшего вечнотекущую природу вод; Причина сладчайших вкусов, сладостное и незамутненное Наслаждение. Пробивают ребро копьем Врачевателю наших язв, останавливающему гниение ран, причиненных нам грехом.

3. Но что за бесподобное долготерпение Твое, Владыка, и за кого Ты это принимаешь? Благой Владыка, Ты страдешь по-человечески; Миротворец, за врагов и противников; Безвинный, за злодеев; за убийц убиваешься, праведный Судия; за коварных зверей предаешься закланию, незлобивый Агнец; за жестоких судей осуждаешься, сладчайший Господь. Как всемирный распорядок сохранил тогда собственное устройство? Как не распались стихии и не смешалось все, и в беспорядочном потоке и движении не понеслось, куда не следовало? Как земля вынесла эту дерзость? Как она не слетела со своего положения и не уступило бездне всеобщего потопления? Все это удержал Ты, пригвожденный на Кресте, и остановил землю от погружения в хаос, и усмирил море, неистовствующее против нее и ее обитателей. Так когда небеса помрачением светил выражали невыносимое страдание, Ты не разрешил всецелого уничтожения, так удержал негодование и праведную ярость бестелесных служителей. Ибо они приникнув с небес и летая вокруг места Краниева, так обличали человечество: «О, лукавые твари! О, убийственный род, осмелившийся на такое против собственного Господина! О, грехолюбивая природа, так взбесившаяся против Создателя! Позволь, Владыка, навести на них кару. Попусти, чтобы они заплатили окончательную мзду за бесчисленные свои преступления. Ведь посмотри, до какой мерзости они дошли: вооружили руки против Тебя, благодетеля. Против Тебя, праведного, сплели неправду; против Жизни вынесли смертоносный приговор, повинные смерти, скверное сборище, многомерзкое племя. Но мы, уступая Тебе, избравшему это ради их спасения, сдерживаемся всеильной рукою, потому и откладываем праведную кару: воспеваем же, пораженные, Твое несравненное долготерпение. Ибо Ты, праведный, страдешь за неправедных, потому что Сильный, телесно мучаешься за немощных врагов, потому что Содержащий всё, удерживаешься на Кресте добровольно. Вот так творение, оплакивая владычное страдание, сдерживалось повелением Страждущего, так что и не бросилось на убийц, и не двинулось к распаду. Но надлежало бы, вернувшись к разбираемому предмету и руководствуясь им, воспеть спасительное страдание. Ибо он и через это приведет к славословию всего домостроительства. Итак, предложенное речение звучит так: *При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина*. Остальные божественные евангелисты согласно говорят, что собравшиеся женщины стояли поодаль и смотрели на творимые дерзости: а этот, что Мать и две Марии стояли у самого Креста, и настолько близко, чтобы слышать и произносимое тихо. Так нет ли какого-то разногласия у проповедников истины? Никоим образом. Ведь все знакомые и сопровождающие женщины, боясь, не осмеливались приблизиться, а наблюдали за происходящим издалека. Мать же, всегда следуя ближе, неподвижно находилась ближе. Ибо она выказывала мужество и отвагу сообразно тому, что горело у нее внутри. Посему, видя, что Она одна упорствует в более мужественном и сострадательном настрое, подходят

и двое из других женщин, думая утешить ее своим присутствием и словами. Однако этот боговещанный богослов упоминает лишь о предстоянии Матери у Креста, а о стойкости Ее до и после того, как, кажется, яснее не упоминает ни он, ни другой из евангелистов. Но по какой причине они не показывают Ее предстояние после Креста, мы, со Христом дойдя до этого места, тоже, как Он подаст, расскажем.

4. Итак, поскольку Она видела Сына направлявшимся на спасительное страдание, Она не допускала разлучиться с Ним даже на кратчайшее мгновение. Поэтому сопутствуя повсюду, Она не отсутствовала и в час таинств, не возлежала за вечерей вместе с двенадцатью, но находясь с ними в том же жилище. Ибо Он Сам, поскольку торопился передать им и Тайны, и примеры возвышающего смирения, велел возлечь с Ним только двенадцати, Родительнице предоставив попечение и распоряжение прислуживающими женщинами, через нее выказывая благоволение собственного сотрапезничества. Ибо благовестители говорят о многих женах, сопровождавших ради услужения на месте, которых требование времени по необходимости собрало тогда в одном месте, когда наступала Пасха. Вот поэтому мы предполагаем, что Она не отсутствовала и в ту ночь, когда Сын предавался на спасительное заклание, но была там и делила терзания. Вернее же, Она гораздо больше учеников воспринимала происшедшее и сказанное, и видя яснее, и поведавала. Ведь те, сразу рассеявшись от страха, не разобрали отчетливо даже самой Его беседы с собравшимися — а она, ничего не боясь, и следовала и в точности все понимала. Ибо влечение к самому Любимому одолевало преизбыток предстоящих опасностей. Вот так Она вошла и во двор Анны и Каиафы и, разыскивая, узнавала и о несправедном суде осужденных, и о каждой дерзости.

5. Но кто исчислит стрелы, проходившие тогда через Ее внутренности? Кто поведаст словом о Ее превосходящих слово мучениях? Ибо хоть Она и была необорима, и выше природы страстей, однако горение к Любимому и преизбыток нечестивых деяний, и безумие наглецов стали для Нее причинами невыносимой печали. Ибо как Она вытерпела видеть всеблагоего Сына и Владыку схваченным злыми рабами и кроткого и незлобивого Агнца в лапах диких зверей; и беседующего с ними кротким и спокойным голосом, а их — орущими неистовым и злобным криком, скрежеща зубами. Что с Ней было, когда Она сопровождала Его уводимого и была рядом, когда Его ввели внутрь и судили? Как, следя за выходящими оттуда, Она внимала устам всех, что они возвестят о приговоре? Когда же Она видела, что все одинаково дышат против Него убийством, боль Ее еще усиливалась. Ведь тогда не было никого, кто бы защитил истину, и кто бы облегчил Ее горе, укорив несправедливость и указав на нелепость [происходящего]. Весь синедрион был за убийство, весь дышал незаконным приговором; никто не стоял за правый суд. Ведь и близкие убежали, а другие скрывали истину страхом, а первоверховный из учеников и друзей отрекся. Так Она одна, сохраняя твердость и стойкость в несчастях, спрашивала более доброжелательных среди тех, кто выходил из судилища, чтобы узнать обвинение и решение о праведном подсудимом, говоря, мол: «Что за причины, мужи, задержания этого Чужестранца? Какое против Него выдвигается обвинение, по которому Он схвачен и судится сейчас как преступник? Что за приговор, по которому Он осуждается? Какое решение выносят против Него? Рассматривается ли какое-то прощение, или все выказывают не прощающую суровость?». Вот такими словами не жалобно, чтобы не попасться, но сострадательно расспрашивая, Она показывала сжигающее ее изнутри и одолевающее пламя: и иногда оно вырывалось наружу, а иногда Она силой сдерживала его, выглядя вне подозрений, не отказываясь пострадать за такое, но остерегаясь делать что-нибудь против воли Страждущего.

6. Поскольку же Ей пришлось следовать за Ним, и когда Его отсылали к Пилату и Ироду, как Она выносила видеть Его водимым всюду как злодея? С какой душой Она терпела смотреть, как Его то прилюдно осуждают и бичуют, то забирают воины, и Он претерпевает множество издевательств и глумлений? Как это животворящее лицо принимало скверные оплевания нечестивцев? Как Она выдерживала видеть покрытыми всевидящие очи? Ибо это есть: *заушали Его; другие издевательски ударяли Его по пресвятой голове и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя* (Мф. 26:67, 68)? Как на главу, которую Она чтит, которой, целуя как Создателя и Сына, поклонялась, надевали терновый венец и били ее тростью: а как выносила глядеть на пречестные и возлюбленные для Нее члены, обнажаемые с бесчестьем и облакаемые в лживую багряницу? Это наносило Ей множество ран. Ибо и до умерщвления Владыки каждое поругание вонзало в Нее смертельное острие: и так это, стало быть, происходило: облегчение же Ей было от силы Страждущего.

7. А кто помыслит Ее внутреннее жжение, когда Она стойко выносила зрелище Сына, идущего на добровольное заклание? Как вели Агнца Божия, словно незлобивого ягненка, как волокли, будто преступника, Того, Кто отнял грех мира? Как Он кротко сносил наглость убийц? С каким добрым расположением обращался к ним? Сколь кротким взглядом смотрел? Сколь дружелюбными словами разговаривал? Как, неся на плечах собственный Крест, спокойно принимал это. Ибо перед тем, как встретить Симона Киринаянина, гнавшие Его, как написано, возложили Крест на Него. Так слезы сопровождавших и оплакивавших Его женщин сильнее бередили Ее рану. Скорее же не они, а обращенные к ним Его слова, увещающие: *дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне* (Лк. 23:28). Как при этом гласе разрывалось Ее сердце! Как вся Она была потрясена! Как неудержимо взметнулось в Ней пламя! Ибо кто, услышав такие речи, не склонился? Кто не стал мягче любого воска, не подвигся бы жалостью, даже если бы оказался весьма окаменелым и неумолимым?

8. Когда же убийцы достигли Краниева места и спешно утраивали животворную смерть, и закрепляли Крест, а Его обнажали от облакавших одежд, и остригли неистовство гвоздей и с убийственным намерением ставили себя подставкой восхождения на Крест, тогда Ее пронзил более сильный меч: тогда в Нее нацелены были стрелы боли. Но как душа не рассталась с телом? Как не оторвалась от собственного сочетания? Как выдержали глаза видеть свой свет восходящим на Крест? Как не выпали зеницы, созерцая всепречистые длани добровольно отдаваемые в убийственные руки? Как не распались сочленения, когда пригвождались члены Содержащего всё? О, как гвоздь вбивался в [Его] руку, а в Ее сердце — смертельная рана? Как при прободении каждого из членов Она еще болезненнее уязвлялась душою? Как капли крови стекали из ран, а у Нее из глаз еще горше лились потоки слез? Как видела Она подвешенного телесно обнаженным Того, Кто божественно облечен светом? Как на Ее глазах одежду, которую Она изготовила собственными руками, почитала же как пречистую и облакавшую Владычнее Тело, мерзкие и нечестивые руки делили по жребию? Как вытерпела Она взирать на растянутое крестообразно тело; кротчайший взгляд на Нее и всех; мягкость и незлопамятность к глумящимся и к подвешенному рядом и бранящему злодею? Ибо это наносило Ей болезненную рану глубже, чем вбитые гвозди, я имею в виду насмешки прохожих, глумление стоящих рядом, обращения радующихся и потешающихся, издевки, иронические кивки, множество ругани от убийц. Ибо все равно, тешась убийством, издевались. Узнав об этом по вдохновению свыше, предвозвестил и пророк, сказав: *ждал сострадания, но нет его; утешителей, но не нахожу* (Пс. 68:21). Затем, показывая вдобавок к отсутствию сострадания и утешения, и преизбыток безумия, говорит: *И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом* (Пс. 68:22).

9. Вот так, поражаемая беспредельными ударами мучений, Она силилась приблизиться и сказать что-то сочувственное, но ее отталкивало воинская грубость и обступившая толпа. Когда же богоубийцы исполнили все, на что хотели осмелиться, и посчитали, что и умерщвление у них подошло к концу, то толпа угощалась по домам, а воины, возлежав где-то там же. Вот тогда-то, избавившись от мешавших и свободно приблизившись, так, чтобы прикоснуться к кресту, Она целовала пречистые ноги и обнимала раны от гвоздей и, почерпав истекшую Кровь, подносила ее к глазам и сердцу; взирая же на Него, говорила так со слезами: «Что это, Владыка? Таково Тебе воздаяние за несказанное снисхождение? Такова плата за великое милосердие? Такими почестями тебе отплатили благодетельствованные? О, несправеднейшая дерзость! О, нечестивый суд! Неправедные осудили Тебя, Праведника; виновные приговорили невинного; неблагодарные убивают Благодетеля, злые рабы повесили доброго Господина. О, мерзкий замысел! О, скверное убийство, вооружившееся против моего безболезненного Порождения! С какой же дерзостью убийцы телесно умерщвляют Жизнь всех, бесстрастную Божеством, страдающую же плотью из-за домостроительства? В отместку за какие неправды они устроили против Тебя несправедное убийство? Во взыскание какой справедливой кары они составили это зрелище? Они придумали это за великие благодеяния? За множество благ и благодать возникновения и пребывания? Они умерщвляют Тебя за воскресших мертвецов? За просвещенные глаза они стараются закрыть Твои телесные очи? За многие исцеления они изранили возлюбленные мной Твои члены? За совлеченное безобразие изъязвленных прокаженных они обнажили Тебя, сладчайший Свет мой; обнажили Солнце правды, обнажили прекраснейшее мое Украшение. Изранили члены Соблюдшего нетленной мою пречистую чистоту, Сохранившего невредимыми печати моего девства и чистоты».

10. «Но если бы я могла, Дитя, принять Твои страдания! Если бы можно было, чтобы гвозди впились в мои члены! Если бы боль заклания была в моем теле! И, может быть, выносима была бы сердечная боль: а сейчас невыносимы вонзенные в него стрелы, нестерпима душевная боль. Ведь больно Тебе, моей утробе, Тебя убивают, Того, Кто поддерживает во мне дыхание, Родной, Тебя закаляют, однородное мое Чадо. О, злая дерзость! Зайди, солнце, видя телесный закат Света миру. Трепещи, небо, и горестным видом раздели со мной рыдание: оплакивай, помышляя заклание общего Владыки. О, земля и опора вечных оснований, горы и воды, не снесите кротко несправедное убийство. Сотряситесь, подземные: горюй со мной, всякая краса луговая. Ибо вот Украсивший вас пестрыми цветами висит на Кресте обесчещенный; расцветивший вас мировонным благоцветием, подвешен в человечестве безобразным и некрасивым; неподдельная красота, неизменное благообразие и вечное наслаждение Родившей».

11. «Но, о сладкое Дитя! О, пребывание души моей! Ныне Я одна сострадаю честным Твоим страданиям: одна приемлю твои жестокие муки в своем сердце. Ибо нет никого, кто приобщился бы моей боли, кто разделил бы удары. Если кто из присутствующих и терзается из-за убийства, но не так, как материнское чрево; не как поражаемый остриями природы, не как сжигаемый двойным огнем любви, не как скованный двойными и мучительнейшими узами. Ибо связь с неизменным Богом и неложным Сыном и влечет вниз, и сжигает. Посему сверхъестественный разгорается огонь. Сильнее материнских мук вздымающееся пламя: ибо острее вонзается в мое сердце меч Твоего страдания; сильнее природные боли — ибо и Рождение выше нее. А насколько оно необычайнее, настолько и я уязвляюсь, раздираемая изнутри».

12. «И мне желаннее было и терпимее охвативших меня мук, если бы гвозди вбивались в Меня саму, если бы твоё заклание Я приняла в свои члены; если бы Меня бесчестили

оскорблениями многих глумлений и бичеваний; если бы вместо любимейшего Чада изранены были материнские руки. Но это невозможно, ибо только Ты, единый Создатель за всех приемлешь страдание и для этого пришел. А Мне что делать? Как вынесу это страшное зрелище? Как выдержу, видя раньше облитую честною кровью спину, а теперь обгаряемые члены? Как снова посмотрю на Смежившего светоносные очи? Как воззрю на язык и медоточивые уста, которые раньше воскрешали мертвых и приказывали бесам, замолчавшие хотя бы ненадолго?».

12. «Но иди, Господин, чтобы исполнить это несказанное домостроительство: иди, Чадо, желанное больше всякого блага, чтобы прославиться подобающей честью. Ибо я уже не обниму Тебя телесно, мое Украшение: ведь Ты возведешь воспринятую природу на божественный престол. Я больше не украшу Твое тело материнскими руками: ибо Ты уходишь в собственную славу, не расставшийся с первой славой. Ибо пусть Ты и будешь божественно вместе с Родительницей, но не как прежде: не так, чтобы можно было обнять Тебя, чтобы всегда наслаждаться Твоим сладостным видом, чтобы красоваться Твоими телесными красотами. И это доставляет Мне высшую славу и радость, мысленно быть и беседовать с Тобой, Кто страданием устроил спасение всех и возвел на собственный престол воспринятое смешение: но Я все равно стенаю изнутри, видя, как Ты мучаешься и страдаешь плотью, и как Тебя осыпают множеством ругательств присутствующие и прохожие, и те, кому следовало воспользоваться великой заботой, толкают самих себя в пропасть гибели. Но они так расположены из-за убийственного выбора: а Ты попрощайся с Матерью, Кто ни от чего из сущих не отлучаешься: скажи сладкое и жизнеподательное слово, чтобы у меня и это было утешением в последующее время. Распорядись о Родительнице, Окормляющий и ее вместе со всем Твоим миром. Скажи слово приятнейшее для слуха сейчас, твердое же, чтобы держаться его всегда».

13. Увидев Свою Мать так поражаемой стрелами природы и, наверное, по произносимому исследуя огонь, горящий в ее сердце, Он издает желанный глас, ободряющий скорее звучанием, чем словесно. Ибо именно этого она всей душой искала, просто услышать голос самого Любимого. Глас же был какой-то такой, как бы кратко распоряжающегося и указывающего: *Жено!* — говорит, — *се, сын Твой* (Ин. 19:26), вверяя Ее ученику. Но посмотри опять, как огонь Ее природы разгорается сильнее, неудержимо взметающееся пламя во внутренностях. Ибо сказав «сын», Он напомнил удивительное и несказанное рождение; напомнил о сверхъестественной любви, о желанном общении, о немыслимом плаче. Его добрые слова как Сына к Матери явили высокое и необычное подчинение, Ее украшение для Него, возлюбленные и благопристойные объятия, и что Он уже не будет вести такие речи, не будет больше, как раньше, постоянно общаться с Ней во плоти — ибо Он направлялся к собственной славе. *Се, сын твой*. Вы знаете, изведав на деле, какой силы достигают такие завещания, оставляемые уезжающими и уходящими из этой жизни: какое они причиняют движение сердца, какое терзание, какую боль. Ибо вместо всегда любимого и близкого они препоручают непривычного человека, и внушают, что во всем знакомый и заботящийся уходит, а рядом будет тот, кто по большей части неведом.

14. *Се, сын твой*. «У тебя есть Я, говорит Он, Который буду рядом с Тобой и заботиться о Тебе как о своей Матери: есть у тебя и возлюбленный ученик, который будет исполнять для тебя все, что подобает сыну, воздавая долг, причитающийся родителям. Рассматривая его заменой Моего телесного присутствия, утешай Твои невыносимые мучения. Успокой большую часть самых сильных болей, облегчи тяжелейшее уныние природы величиной благодеяния. Ты терзаешься и пополаешься изнутри и несравненно уязвляешься сердцем. Ибо Твое влечение ко Мне не только естественно, но и сверхъестественно: и невозможно

для Тебя более безболезненное состояние. Но нужно ослабить страдание, ведь Ты — Мать Моя и не в неведении о неизреченном совете. Ибо такими страданиями Я творю бесстрастие для создания; такими бесчестьями Я благоволил почтить обещанный род. Эти оскорбления стали препрославленной славой для Меня, страждущего плотью, а твоих величий и проявление, и возвешение. Итак, имея друга-наперсника, перестань печалиться: а для него, живя с ним и его близкими, займи Мое место. Ведь через него Я вверяю Тебе и других учеников, и сколько Я хочу, чтобы Ты была с ними и оставалась в жизни, вместо Моего присутствия предоставляй им свое. Стань для них, чем по природе бывают матери для сыновей, а вернее, тем, чем Я, будучи с ними — а они будут Тебе вместо сыновей и подвластных. Они воздадут Тебе достойное почитание как Матери собственного Владыки, как если бы Я через тебя приходил к ним, сами стяжав тебя благопримирительным ходатаем ко Мне».

15. Вот так кротко поговорив с Матерью, Он заповедует и ученику, говоря: *Се, Мать твоя*. О, сверхпочетная честь ученику! О, жребий богаче состава сущих! О, благодать, доставшаяся возлюбленному проповеднику — быть названным братом Создателю всяческих, а в место и часть матери получить Владычицу всех! *Се, Мать твоя*. Вот, говорит, Я препоручаю Ее тебе вместо Себя. Ныне, уходя к собственной славе, я оставляю Ее тебе вместо Меня зримого. Я исполняю как Сын долг перед Ней, а ты оказывай ей почтение как Матери Господа и Учителя. У нее всегда есть Я, Который рядом Божеством: пусть и твое служение будет при Ней неукоснительно. Ты будешь облегчать Ее невыносимую боль словом, а Я — делом. Ты подавай ей должествующее утешение, а Я приложу все, что касается утешения. Ибо ныне Я поставляю Ее как Родительницу предводительницей твоей, но и остальных и желаю, чтобы Ее чтили в достоинстве Матери в собственном смысле. Посему, хоть Я и запретил вам именовать отца на земле, однако хочу, чтобы у вас Ее и называли, и чтили Матерью, явившуюся для Меня пренебесным селением и показавшую чуждое природе произволение».

16. Когда Всеблагий таким образом распорядился несказанным долготерпением, снова сбежались человекоубийственные звери, и обступив Крест кругом, увеличи многострадальную Мать от стояния вблизи и беседы с Ним. Ибо какие подвиги мучеников, какие растерзания членов, какие рассечения тел, какие измышления пыточных орудий способны были бы так и до такой добраться глубины душевной, как многие тысячи мечей от страданий Господа и Сына пронзали ее и усиливали непревзойденную боль? Так многообразно терзающаяся душа не осталась бы в теле, если бы не удерживалась Самим Страждущим; если бы божественная воля не содействовала ее стойкости. Итак, поскольку исполнялось уже таинство домостроительства, и нельзя было пропустить ничего из пророчеств о нем, то причастие желчи и уксусу совершалось после признания в жажде. Ибо *жажду*, — говорит Господь. Жаждали и иудеи выказать такое неистовство. Ведь их дерзости учинялись не по необходимости прореченного, но из-за их неумолимой неблагодарности и вынесено было, и исполнено неложное пророчество. Но посмотри на эту рану, нанесенную Матери сильнее, чем предыдущие мучения. Ибо одновременно с произнесением слова разрывалось Ее сердце: и можно было видеть ее вместе с речью мечущейся, терзаемой и сжигаемой еще жарче, и жалостно взирающей на стоящих, и умоляющей всех помочь и дать воды, чтобы, поднеся ее к любимейшим устам, Она охладила Его телесный пламень; и когда Она старалась об этом, но сразу не находила, и даже если нашла, невозможно было исполнить, то ли потому, что не было способа подать, поскольку голова висела высоко, и руки не хватало, чтобы приблизиться к устам, то ли из-за того, что ее отталкивали убийцы, которые успели раньше подать уксус и не позволяли человеколюбивее обойтись с висящим.

17. О, каким страданиям подверглось Слово, доставляющим нам бесстрашие, а наглецам и ослушникам беспредельную кару! По преизбытку беснования они принесли вместе с Крестом и гвоздями *вино со смирной* (Мк. 15:23). Ибо сказано: *И давали Ему пить вино со смирной* перед распятием; но *Он не принял* (Мк. 15:24); взяв же от того, что попало, они исполнили свой бесчинный замысел. Но что вытерпела она, когда к устам подносили губку? Как, когда пречистые губы коснулись желчи, более жестокое пламя проходило через ее внутренности? Как, когда Улада всех отведывала уксус, горький поток боли разливался в ее душе? Какие стоны она испускала из глубины? Какие издавала стенания? Какими горючими обливалась слезами? Но чтобы описать это, не хватит никакого разума и никакой речи: ибо они совершенно недостаточны, как и для происходившего: только Сам Сын и Мать, испытавшая это на деле, могут и осознать это, и выразить словом.

18. Вот так по свершении страшного таинства Она с трепетом слышала тот страшный глас, который предавал дух в руки собственного Родителя. И услышав это и увидев, она едва ли не исполнила все страдание, отойдя пресвятою душою: но скрепляемая божественной силой и несказанным терпением, уже вставала к радости Воскресения: поэтому и смотрела, как устроить погребение. Пока же Она об этом раздумывала и с разумнейшей заботой решала, иной посылается против нее меч, острее предыдущих, а именно прободение пречистого ребра. Ибо свирепейшие всех зверей воины кололи животворного Мертвеца, еще висящего телесно, не взирая на божественную кару и не удержанные самой природой, которая имеет общее сочувствие ко всем поверженным, будь они раньше врагами или противниками. Ведь так впечатляет вид мертвых тел, что даже если кто-то весьма неприступен для жалости, не проходит без слез мимо такого зрелища. Но эти каменные и бесчинные, железные в своей бесчеловечности не претерпели ничего от общей природы. Но видя, как страдает бездушное творение, только что не оплакивая и горюя о спасительном страдании, сами, по преизбытку неистовства и безбожия, нападали на Висящего и разили Его, не находя никакого насыщения нечестию. Но они, бесчинствовав против живоносного ребра, так отступили от Принявшего источать из него для нас вечнотекущее бессмертие.

19. Мать же, глубже пораженная в душе, многими же призывами взывая к Претерпевшему, так обращалась к Нему, проливая слезы: «Даже теперь скверные убийцы не прекращают бесноваться против Тебя и не насыщаются убиением: не склоняются, видя Тебя подвешенном в таком виде, не смягчаются созерцанием Тебя пригвожденного мертвым и обнаженным; не жалеют, смотря на Тебя, закланного посреди преступников и оставленного, словно отброс: но со свирепейшим неистовством нападая, разят Тебя, исцеляющего раны природы. Пронзают ребро, источающее вечноживую струю. Бьют нещадно, нападая и делом, и словом, и не отступают. О, узы и законы, и естественное сострадание! О, праведные обычаи уважения к ушедшим! О, нравы и признак человеческой кротости» Где это сейчас и в ком? Удалилось от присутствующих, отлетело от злого совета богоубийц. Но пусть для Меня и моих спутников будет истекающая из раны жизнь, а наглецы увидят, когда будут нести наказание. Так сострадательно взирая и говоря с Владыкой, Она принимала излившиеся из божественного ребра Кровь и воду: и взяв их с великою любовью и честью, Она вся погрузилась заботу об обновляющем погребении; и чтобы пречистое тело, снятое с Креста, ни ей не усиливал мучения от такого зрелища, ни, если запоздает положение во гроб, отложено будет и общее воссоздание.

20. Итак, это невозможно было исполнить Ей самой по себе, потому что недоставало необходимого: ведь Она и сама была на чужбине, и знакомые, наблюдавшие издали: и поскольку Она избрала не оставлять животворное тело и ходила к состоятельным людям,

испрашивая его, Ей, с беспокойством об этом размышлявшей и рассчитывавшей, как найти достойное место и богоприемную могилу, все Приуготовивший дает выход, внушив мысль исследовать ближайшую к Краниеву местность. А это она рассудила очень разумно, чтобы пока дело будет делаться, Она не отлучалась от лицезрения всесвятого Тела. И когда Она положила такое в мыслях, ноги пошли, душа же не переходила, и шаги чередовались, а она, постоянно вперея взор, не хотела отстать от этого зрелища хоть на кратчайшее мгновение. Итак, поскольку Она и разыскала, и нашла подобающую могилу — ибо она была новой, а местность вокруг нее имела приятный и безопасный вид, так как в то время находилась в саду, была украшена благолепием с обеих сторон: и Она разузнавала, чья она, и среди знакомых ли владелец. Узнав же, что этот муж друг и один из причисленных к близости с учениками, но скрывается из-за страха перед убийцами (ведь так говорит боговещанный евангелист: *тайный из страха от Иудеев* (Ин. 19:38)), Она, придя к нему, предложила добрый замысел и увещевала положить общую Жизнь всех в его собственной гробнице.

21. «Иудейская жажда убийства, о Иосиф, пришла к концу по неизреченному долготерпению Учителя, допустившего это. Ведь они не пропустили никакого преизбытка ни оскорблений, ни бесчестия, которым бы не воспользовались против Него, и как предосудительный конец, причинили смерть. И сейчас Он висит мертвый и обнаженный на древе, страшное зрелище для меня и творения, не милуемый, но скорее бранимый ими. Посему окажи услугу, Ему как Учителю, а Родительнице — как терзаемой множеством мучений и, осмелившись, испроси: сними тело и собери лежащее перед тобой сокровище мира. Окажи услугу нам, находящимся на чужбине и в нужде, всеми ненавидимым и отвергаемым, всеми гнушаемым и бранимым, оставленным знакомыми и друзьями, никем не жалеемым. Ибо нет защитника, нет помощника: никто не решается испросить тело, никто даже не задумывается о таком, никого, кто устроит погребение. И для Меня, как видишь, ни то, ни другое в настоящее время невозможно, предстоящей в одиночестве и с одним лишь учеником, и не имеющей доступа к Пилату, и неспособной иным образом приобрести то, что необходимо для погребения. Нам непонятно, даже как облечь и покрыть наготу Висящего. Ведь воины, взяв одежду, разделили ее между собой, не оставив даже последней рубашки: что для меня мучительно, а для убийц радостно и повод для поругания. Давай же, став выше трусости и малодушия всех, пойди спросить божественное тело. Не бойся больше натиска скверных убийц: ибо они остановили все неистовство на закланном; пока что ограничили злоумышление моим Светом. Досюда они сейчас довели свою дерзость. Посему иди без всякой опаски: ибо Сам добровольно Пострадавший сохранит твою неприкосновенность; Он Сам пойдет впереди, указывая тебе путь. Он Сам усладит твои речи, придав им убедительность. Ибо Он, о Иосиф, пусть и пострадал по Своей воле как человек, но как Бог сотряс землю, расколол скалы, открыл гробницы и вытащил мертвых из преисподней. Его страданию ужаснулись ангелы, его устыдились стихии, его устрашили вечносияющие светила и с трепетом спрятали лучи. Потом ты увидишь это яснее и горячее поспешишь к прошению. Ведь не следует медлить и откладывать и давать отсрочку общему воссозданию. Пусть животворное Тело будет положено в гробницу, чтобы проложить путь человеческому воскресению».

22. И вот, научив и побудив Иосифа такими речами, и особенно растрогав его сострадательным и материнским обликом, Она посылает его к Пилату. Ведь он не так сразу решился, потому что не знал исхода страдания, скрываясь и боясь, как и остальные ученики. Посему когда через Нее он и узнал, и поднялся, он вышел уже смелее. Итак, он спрашивает и получает всеобщую Жизнь: и роскошно подготовив погребение, спешит со снятием с Креста. Но рассмотри у меня снова, как Мать стояла и терпела, и была готова ко

всему: ибо переносила страдания достойно и не без доблести, и собственными руками помогала, где требовалось. Так Она принимала в подол извлекаемые гвозди, а освобождаемые члены обнимала и целовала, и, положив себе на руки, усердствовала одна прислуживать при снятии с Креста. Когда же Его сняли, и пресвятое Тело было положено на землю, она, припав к нему, омывала его самыми горячими слезами: кротким же голосом и сострадательнейшими словами обращалась, говоря: «Вот с Тобой, Владыка, исполнилось предопределенное таинство; вот, Твое благолюбивое домостроительство пришло к концу; вот, неисповедимое Твое долготерпение предложено было пред взором всех. Ибо ныне Ты лежишь бездыханный телесно, Податель всякого дыхания. Я держу бездыханного и обнимаю тело Создателя жизни всяческих, Который удерживает мое дыхание. Ныне держу бездыханным Того, Кого раньше обнимала как любимейшего, Чьи сладчайшие слова слышала, Чьими животекущими речами гордилась, ныне целую неподвижные и израненные члены Того, Кто исцелял неизлечимые раны природы, Того, Кто был избит ради врачевания всех. Безгласные ныне уста и безмолвные губы обнимаю Того, Кто создал всякую разумную природу, Поставившего человека на земле говорливым существом. Я целую закрытые глаза Того, Кто придумал действие зрения, Того, Кто собственным повелением просветил глаза слепых. Но если бы мне сейчас услышать Твой сладкий голос! Если бы снова воспринять мне Твои желанные речи! Но даже если теперь это невозможно, я скоро увижу это в воскресении, в котором, благовествуя воссоздание человеков, Ты с приятностью побеседуешь с Родительницей». Так славословя, Она украшала пречистое Тело божественными погребальными принадлежностями, и честным убрусом для благолепных похорон.

23. Когда же Его положили в этой богоприемной гробнице, Иосиф и Никодим со своими, они ушли, а Она одна осталась сидеть у дверей, ожидая божественного Воскресения. Но речь об этом пусть будет уготована завтрашнему торжеству, а ныне мне подобает, помышляя благодарность, обратиться к Тебе, за меня пострадавшему Владыке, выказавшему несказанное долготерпение, неисследимым снисхождением соделавшему мое восхождение от преисподних. Итак, воспеваю Твое долготерпение и незлобие, Господи; воспеваю твое наизреченное домостроительство, славлю несравненную милость, приклоняясь которой, Ты оправдал меня, осужденного. Люблю Твои страдания, которыми я освобожден от бесчестнейших страстей. Люблю Крест Твой, которым Ты осудил мой грех; которым освободил меня от смертного осуждения. Люблю те гвозди, которыми Ты вскрыл наказание проклятия. Люблю прободения членов, которыми Ты у врачевал раны моего преслушания. Люблю трость, которой Ты подписал мое освобождение; которой ты изранил горделивую голову змия. Люблю губку, поднесенную к Твоим пречистым губам, благодаря которой для меня горечь преступления превратилась в сладость. Как сладчайшее я вкусил бы яство желчи, как радостное отведал бы питье уксуса, как царскую диадему надел бы терновый венец; украсился бы плевыми как блестящими жемчужинами, как величайшими почестями прославился бы насмешками; как прекраснейшими украшениями гордился бы заушениями. Любя Тебя, Владыка, я красуюсь Твоими страданиями. Люблю копье, разодравшее мое рукописание, бессмертия источник отворившее. Люблю Твое ребро, из которого излились реки жизни, из которого забил для меня вечный поток нетления. Люблю Твои погребальные пелены, которыми Ты украсил меня, сняв покровы стыда. Люблю пречестной убрус, облекшись в который Ты облачил меня в ризу усыновления. Люблю Твой гроб, в котором Ты обновил таинство моего воскресения, в котором Ты проложил путь для выхода из ада. Люблю тот камень, которым Ты сложил с меня бремя страха смертного. Люблю прислуживавших жизнеподательному погребению, как достигших такую благодать. Люблю руки Родившей

Тебя, как поспособствовавшие всему Твоему божественному домостроительству: как раньше служению при Рождестве, ныне же, когда Она одна трудилась на нужды погребения, как почерпавшие честную кровь, как облачившие всепречистое Тело. Славлю же Ее, как в одиночестве явившуюся общницей спасительного страдания, как глашатая благодеяния и благовестительницу бессмертия, и помощницу Твоего светоявления.

24. Но как Его Ты первая увидела и благовествовала, Владычица, так да явишься в наших сердцах благовестительницей умного Его осияния: в Самом Христе, сладчайшем нашем свете, ибо Ему подобает слава, честь и благодарение с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

3.4. На Царских часах (на 9-м, после Евангелия от Иоанна)

Свт. Иоанн Златоуст, Беседа 88-я на Евангелие от Матфея

«От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого;
а около девятого часа возопил Иисус громким голосом:
Или, Или! лама савахфани?
то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил».
(Матф. 27:45–46)

1. Ложь везде обличает себя, и как бы невольно защищает истину. Смотри: надлежало верить тому, что Он умер и погребен и воскрес, — и все это через самих врагов становится достойным всякого вероятия. Вникни в эти слова, которые вполне подтверждают все это. «Мы вспомнили», говорят, «что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал», — следовательно Он скончался; «после трех дней воскресну; итак, прикажи охранять гроб», — следовательно погребен Он; «чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его», — следовательно, если гроб запечатан, то обмана уже не будет. Невозможное дело! Итак, в самой вашей же просьбе дано непререкаемое доказательство Его воскресения. Если гроб был запечатан, то не было никакого и обмана; если не было обмана, а гроб найден пустым, то явно, что Он воскрес, — нельзя и прекословить этому. Видишь ли, как и против воли подвизаются в пользу истины? Рассмотрим также, как дорожат истиной и ученики, — как ничего не скрывают из того, что сказано врагами, хотя бы то было и позорное. Вот они называют Его обманщиком; и ученики не умалчивают об этом. Это показывает и жестокость врагов, доходивших до того, что даже и по смерти не оставляли своего гнева, и вместе простоту и правдолюбие учеников. Надлежит при этом исследовать и то, где сказал Он: «после трех дней воскресну». Более ясных слов об этом нигде не найдешь, кроме примера Ионы. Беззаконные иудеи знали, следовательно, и понимали слова Его, и сознательно злодействовали. Что же отвечает им Пилат? "Имеете", говорит, «стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» (Матф. 27:65–66). Он не позволяет воинам одним печатать. Как бы узнав о его делах, он не хочет более действовать с ними за одно; а чтобы освободиться от них, позволяет им оградить гроб, и говорит: вы, как хотите, печатайте, чтобы после не винить других. Подлинно, если бы одни воины запечатали, то иудеи могли бы сказать (хотя это и была бы невероятная ложь; но все же они как в других случаях бесстыдно клеветали, так и теперь могли бы сказать), что воины позволили унести тело, и дали ученикам возможность измыслить весть о воскресении. Теперь же, когда они сами утвердили гроб, не могут сказать и этого.

Видишь ли, как они против своей воли стараются об истине? Сами пришли, сами просили, сами запечатали вместе со стражей, чтобы, таким образом, быть обвинителями и обличителями самих себя. В самом деле, когда ученики могли бы украсть? В субботу? И притом, как? В субботу не позволялось и выходить. Если же преступили и закон, то, как эти столь робкие люди осмелились бы пойти? Как притом могли убедить народ? Что они могли говорить, что делать? Что за ревность побуждала их стоять за мертвеца? Какой ожидали награды? Какой почести? И от живого, когда только Он задержан был, они убежали; а после смерти могли ли бы дерзать за Него, если бы Он не воскрес? Как это сообразить? Что они не хотели и не могли вымыслить небывалого воскресения, видно из следующего. Много раз сказано было Им о воскресении, даже беспрестанно повторял Он, что, как сказали и сами враги, «после трех дней воскресну». Поэтому, если бы Он не воскрес, очевидно, они, как обманутые и преследуемые всем народом, изгоняемые из домов и городов, должны были бы отстать от Него; не захотели бы разносить такую о Нем молву, как обманутые Им и подпавшие за Него крайним бедствиям. А что они не могли вымыслить воскресения, если бы не было его на самом деле, об этом не нужно и говорить. В самом деле, на что они могли при этом надеяться? На силу ли своего слова? Но они были самые неученые люди. На богатство ли? Но они не имели даже ни посоха, ни обуви. На знатность ли рода? Но они были бедны и от бедных рождены. На знатность ли отечества? Но они происходили из весей незнатных. На многочисленность ли свою? Но их было не более одиннадцати, и те рассеяны. На обещания ли Учителя? Но на какие? Если бы Он не восстал, то и остальные обещания Его не были бы для них достоверны. Итак, как могли бы они укротить неистовство народа? Если верховный из них не снес слова жены привратницы, а все прочие, увидев Его связанным, рассеялись, то, как они вздумали бы идти в концы вселенной, и там насаждать вымышленное слово о воскресении? Если один из них не устоял против угроз жены, а другие даже при виде уз, то, как могли они стать против царей, князей и народов, где мечи, сковороды, печи, бесчисленные роды ежедневной смерти, если бы не были укреплены силой и помощью Воскресшего? Совершенно было множество великих чудес, и ни одного из них не устыдились иудеи, но распяли Сотворившего их; а простым словам учеников могли бы поверить о воскресении? Нет, нет! Все это сотворила сила Воскресшего.

2. И посмотри, как смешны их замыслы! «Мы вспомнили», говорят, «что обманщик тот, еще, будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну». Но если Он был обманщик и хвалился попусту, то чего вы боитесь, мечетесь и так суетитесь? Боимся, говорят, как бы ученики не украли и не обманули чернь. Но доказано уже, что этого никак не могло быть. И, однако, злоба упорна и бесстыдна, — покушается и на безумное дело. Велят до трех дней оберегать гроб, как бы стараясь защитить свое учение и желая показать, что Он и прежде был льстец, и даже в гробе можно подозревать Его в злобе. Поэтому-то Он и восстал скоро, чтобы не говорили, что Он оказался лжецом и что тело украдено. Обвинять за то, что Он скоро восстал, было нельзя; замедление было бы подозрительно. Если бы Он не тогда воскрес, когда они сидели и оберегали гроб, но тогда, как спустя три дня они удалились бы, то могли бы еще что-нибудь говорить против, хотя бы и безрассудно. Для того Он предварил воскресением. Надлежало совершиться воскресению именно тогда, когда они сидели там и стерегли; следовательно, надлежало быть ему в пределах трех дней; а если бы оно произошло по истечении их, когда стража удалась бы, дело могло бы быть подозрительным. Поэтому Господь попустил и запечатать гроб по их желанию, допустил быть при нем и воинам. Они не заботились и о том, что трудятся в субботу; но имели ввиду только то одно, как бы им преуспеть в своей злобе. Вот высшая степень безумия и ужаса, потрясавшего их! Те, которые захватили Его в свою власть живого, боятся теперь умершего.

Если это был простой человек, то следовало оставаться спокойными. Но дабы они познали, что и будучи живым Он добровольно претерпел все, что только претерпел, — вот и печать, и камень, и стража, — и все это не могло удержать мертвеца! Они успевают в том только, что и погребение становится известным, и воскресение Его получает большую достоверность, потому что и воины неотступно были при гробе, и иудеи надзирали. «По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег» (Матф. 28:1-3). По воскресении приходит ангел. Для чего же приходит он и отваливает камень? Для жен, которые увидели его тогда в гробе. Они видят, что в гробе нет тела, и потому должны были поверить воскресению Его. Вот для чего снят камень; для того было и землетрясение, чтобы они воспрянули и пробудились от сна. Жены приходили для того, чтобы намазать елеем тело, и это было ночью: естественно, что некоторые из них и спали. Но зачем и почему сказал им ангел: «не бойтесь вы»? Прежде всего, он освобождает их от страха, и потом говорит о воскресении. И это слово — "вы", с одной стороны, выражает большую честь, а с другой — указывает на то, что ужасные ожидают бедствия тех, которые дерзнули на это злодеяние, если не покаются. Не вам, говорит, надлежит страшиться, а распявшим Его. Итак, освободив их от страха и словами, и взором, потому что показался в светлом виде, как принесший радостную весть, ангел присоединяет: «ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого» (Матф. 28:5). Не стыдится назвать распятым, потому что это высочайшее наше благо. "Воскрес". Откуда это видно? «Как сказал». Если мне, говорит, не верите, вспомните слова Его; тогда и мне не будете не доверять. Далее и другое доказательство: «подойдите, посмотрите место, где лежал Господь». Для того отвален камень, чтобы и отсюда они получили новое уверение. «Скажите ученикам Его, что предвещает вас в Галилее» (Матф. 28:7). Повелевает и другим благовествовать о воскресении, что особенно заставляет их верить. И хорошо сказал: "в Галилее"; избавляет их от забот и опасностей, чтобы страх не колебал веры. «И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великой побежали» (Матф. 28:8). Почему так? Потому, что видели поразительное и странное дело — гроб пустой, в котором прежде при их глазах положено было тело. Для того ангел и привел их к гробу, чтобы они могли быть свидетельницами того и другого — и гроба, и воскресения. Действительно, они могли понять, что никто не мог бы унести Его в присутствии стольких воинов, если бы Он не восстал сам. Потому и радуются, и дивятся, и получают награду за такое постоянство: первые видят и благовествуют, — благовествуют то, о чем не только слышали, но и что видели.

3. Итак, когда они вышли со страхом и радостью, — «Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его» (Матф. 28:9). С великим весельем притекли к Нему, прикосновением твердо уверились в Его воскресении и поклонились Ему. Что же Он? «Не бойтесь»! Опять и сам прогоняет страх, уготовляя удобнейший путь вере. «Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Матф. 28:10). Смотри, как и сам Он через жен благовествует ученикам, — и, как часто говорил я, униженному полу возвращает честь и добрые надежды, и врачует немощное. Может быть, кто-нибудь из вас захочет, по примеру достохвальных жен, обнять ноги Иисуса? Можете и ныне, если хотите, не только руки и ноги обнять, но и священную Его голову, если будете приобщаться с чистой совестью страшных тайн. И не только здесь, но и в тот день узрите Его, грядущего в неизреченной славе с сонмом ангелов, если только захотите быть человеколюбивыми; услышите не только эти слова: «радуйтесь»; но и те: «придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания

мира» (Матф. 25:34). Итак, будьте человеколюбивы, дабы вам услышать эти слова. И вы, украшающиеся золотом жены, видевшие течение тех жен, оставьте, по крайней мере, теперь этот недуг златовождения. Если ревнуете блаженным тем женам, перемените украшения ваши, облекитесь милосердием. Что за польза, скажи мне, в этих драгоценных камнях и в златотканых одеждах? Скажешь: в них находит радость и отраду душа. Но я спрашиваю тебя о пользе, а ты говоришь о вреде. Нет ничего хуже, как заниматься такими вещами, радоваться им и прилепляться. Тем плачевнее тяжкое это рабство, что человек и, рабствуя, утешается. К какому духовному делу такой человек приложит надлежащее тщание? Будет ли так же осмеивать, как бы надлежало, житейские занятия, когда считает утешением связывать душу золотом? Кто живет в темнице, и с удовольствием, тот конечно никогда не захочет освободиться из нее. Так и душа златолюбивая: она как бы пленница злой своей страсти, — не захочет выслушать даже одного слова духовного с надлежащей охотой и ревностью; тем менее исполнить дело. Итак, скажи мне, что за выгода в этом украшении, в этой неге? Услаждаюсь, говоришь. Но опять повторяешь о вреде и гибели. Но я пользуюсь, говоришь ты, большим почетом у зрителей. И что ж в этом? Это только повод к гибели другого рода, когда ты надмеваешься, кичишься. Теперь, раз ты не могла показать пользы, выслушай, как я покажу тебе вред. Какой же вред? Тот, что забот гораздо более, нежели удовольствия. Потому-то многие из зрителей, и притом очень необразованные, ощущают более удовольствия, нежели ты, которая так украшена. Ты украшаешься с заботливостью, а они и без заботы услаждают свои взоры. С другой стороны, вред в том состоит, что ты унижаешь свою душу, возбуждаешь везде и повсюду зависть. Соседки твои раздражаются этим, восстают против своих мужей и поднимают против тебя жестокую брань. Сверх того, потратив на это все свое старание и заботу, ты пренебрегаешь духовными упражнениями, исполняешься высокомерием, гордостью и тщеславием, прилепляешься к земле, теряешь крылья духовные и, вместо орла, становишься псом и свиньей. Перестав обращать взор свой и парить к небу, подобно свинье, смотришь только долу, заботишься о металлах и кладовых, и лишаешь душу твою твердости и свободы. Но ты еще выходишь на зрелище, чтобы показать себя? Тем более тебе не должно украшаться золотом, и чтобы не быть предметом общего внимания, и не отверзать уст толпы злословящих. Не думай, чтобы кто-либо из зрителей тебе удивлялся; напротив, они все смеются над тобой, как над щеголихой, как над женщиной гордой и заботящейся только о теле. Если ты приходишь в церковь, то, выходя из нее, ты ничего не понесешь с собой, кроме насмешек, ругательств и поношений, и не только от зрителей, но и от пророка. Велегласный Исаия, увидев тебя, тотчас возопит: так говорит Господь на владетельных дочерей Сиона: «ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавой поступью и гремят цепочками на ногах, — оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их. И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка» (Ис. 3:16–17,23). Вот что дадут тебе вместо украшения! Это сказано не о тех только, но и о всякой женщине, которая им подражает. Вместе с ним и Павел обличает, написав к Тимофею, чтоб он запретил женам украшать себя плетениями, золотом, или бисером, или ризами многоценными. Итак, украшаться золотом всегда пагубно, а особенно когда ты приходишь в церковь, когда проходишь мимо бедных; посмотри тогда на себя: ты увидишь, что одежда твоя не более, как личина жестокости и бесчеловечия.

4. Размысли, сколько в таком одеянии обходишь ты алчущих, сколько нагих в сатанинском украшении твоём! Насколько лучше было бы тебе накормить души алчущих, нежели проколоть уши и привесить к ним для пустой цели то, что могло бы доставить насущную пищу столь многим беднякам! Неужели быть богатой составляет, по твоему мнению, славу? Неужели украшаться золотом Ты считаешь делом важным? Если бы даже все это

снискано было и праведными трудами, и тогда твое поведение достойно величайшего осуждения. Когда же и приобретено еще неправедным путем, то представь, как безмерно преступление. Но ты любишь похвалу и славу? Сними с себя позорную эту одежду, и тогда все тебе удивятся; тогда будешь наслаждаться и славой, и чистым удовольствием; ныне же ты осыпана ругательствами, и этим сама себе создаешь множество поводов к скорби. Представь, если что-нибудь пропадет. Сколько отсюда бед! Сколько рабынь должны будут терпеть наказание! Сколько мужчин приведено будет в тревогу! Сколько будет посажено, сколько будет жить в темницах! Затем пойдут суды, тяжбы, тысяча ругательств и поношений жене от мужа, мужу — от друзей, и душе — от себя самой. Но положим, что ничего и не пропадет, — хотя трудно без этого обойтись, — положим, что все всегда будет в целости: и в таком случае опять ты подвержена будешь только беспокойству, заботам, скорби, не получая пользы. Какая отсюда прибыль дому? Какая польза самой украшающейся? Пользы никакой, а бесчестия много и укоризны отовсюду. И как в таком украшении ты можешь лобзать и обнимать ноги Христа? Он отвращается от такого украшения. Потому-то Он благоволил родиться в доме плотника, а лучше сказать, даже и не в самом доме, но в пещере и яслях. Итак, как же ты можешь видеть Его, когда не имеешь красоты для Него вожденной, когда ты облечена не любезным для Него украшением, а ненавистным? Приходящий к Нему должен быть украшен не такими одеждami, а облечен добродетелью. Рассуди: что такое золото? Земля и прах. Брось в воду, — и будет грязь. Рассуди и устыдись, как ты прах делаешь своим владыкой; как ты, оставив все, сидишь с ним или всюду носишься с ним, даже когда приходишь в церковь, — где особенно надлежало бы удалять его, потому что церковь не для того создана, чтоб ты показывала в ней это богатство, а для того, чтобы ты показывала богатство духовное. А ты, как бы на зрелище, приходишь сюда в таком украшении и, подражая играющим на сцене женам, одеваешься с такой величавостью в смешной их сор. Вот почему ты приходишь сюда во вред для многих. По окончании собрания, в домах за трапезой вы услышите многих, беседующих об этом. Не говоря о том, что то и то сказал пророк и апостол, — заводят разговор о великолепии одежд, о драгоценности камней и о прочем безобразии украшающихся таким образом жен. Это-то самое и вас и мужей ваших делает скупыми на милостыню. Подлинно, никто из вас не захочет уделить из этого золота сколько-нибудь, чтобы накормить алчущего. Если ты соглашаешься скорее сама терпеть нужду, нежели допустить малейшую порчу в дорогой твоей вещи, то, как можешь уделить что-либо для того, чтобы накормить другого? Поистине, многие пристрастились к этим украшениям, как бы к одушевленным каким существам, и любят их не меньше, чем детей. Как это можно, скажете вы? Докажите же мне противное; докажите делами; теперь же я совсем не то вижу. Какая женщина из страдающих этим недугом, приобретя довольное число многоценных украшений, исхитила от смерти душу дитяти? Но что я говорю: дитяти? Искупила ли она этими драгоценностями свою собственную погибающую душу? Напротив, из-за них многие продают ее ежедневно. Если случится болезнь телесная, они все делают; а если видят порчу душевную, ничего подобного не делают, но как о своей, так и о душе своих детей совсем нерадят, чтобы оставались их драгоценности, пока не заржавеют от времени. Ты осыпана несчетными талантами золота, а член Христов не имеет даже и необходимой пищи. Общия всех Владыка, Владыка неба и всех живущих на нем, всем равно предложил духовную Свою трапезу; а ты и из тленных вещей ничего не хочешь Ему дать, и хочешь оставаться всегда окованной тяжкими этими узами. Отсюда несчетные беды. Отсюда ревнование, отсюда блудодейство мужей, — когда вы не к любомудрию их побуждаете, а заставляете их находить удовольствие в том, чем украшаются блудницы. Потому-то они очень скоро и уловляются. Если бы ты научила его питать к этим

украшениям презрение и утешаться непорочностью, благочестием, смирением, то он не так легко бы мог быть уловляем любодеянием. Украшаться таким образом, и даже лучше, может и блудница; а облекаться добродетелями — нет. Итак, приучи его находить удовольствие в таком украшении, которого он не может видеть на блуднице. Как же ты его к этому приучишь? Если снимешь с себя украшение твое и облечешься в духовное. Тогда муж твой будет огражден, и ты будешь в почтении, и Бог будет вам милостив; все люди будут вам дивиться, и вы достигнете будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Приложение.

Свт. Иоанн Златоуст [Sp.], На святые Страсти Господни

Сегодня хочу исполнить вчерашнее обещание, возлюбленные. Спрашиваю, где мы тогда закончили слово. Мы говорили, что иудеи приняли замысел против Иисуса, чтоб Его убить. И вот, когда они собрались вместе, явился пред ними Иуда и говорит им: «что вы дадите мне, и я вам предам Его» (Мф.26:15)? Они же, встав, с мечами и дрекольями последовали за ним. И «дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» (Мф.26:48). И когда они пришли на место, где был Иисус с учениками Своими, Иуда, выступив вперед, облобызал его со словами: «радуйся, Равви» (Мф.26:49). Господь же сказал ему: «друг, для чего ты пришел» (Мф.26:50)? Делай, за чем пришел. О, целование коварное, нагромождение беззакония и гибели! О, целование горькое, гибель души, путь в геенну! Блудница, целовавшая ноги Господа, возвала из нечистоты душу свою. А этот, поцеловав, изглажен из книги жизни. О, любомудрие женщины! О, неразумие ученика! Когда та целовала ноги Господа, радовались ангелы и приготавливали ей венец. Когда целовал этот, радовались демоны и плели веревку для повешения. «Радуйся, Равви». Он радуется, а ты будешь страдать, потому что от радости отвержен. «Радуйся, Равви. И поцеловал Его» (Мф..26:49) . И, схватив, повели Его к архиереям Анне и Каиафе. Искали лжесвидетельства на Него, и не находили. Тогда повели Его (к Пилату) и поставили Его. Пилат спросил Его: «Ты Царь Иудейский»? Господь же молчал, как написано: «безгласен, ...Он не отверзал уст Своих» (Ис.53:7). Пилат сидел, судя, а Тот, Который будет судить живых и мертвых, стоял, Солнце правды стояло, и Господь терпел суд над собою ради спасения мира. Пилат, убедив-шись из самого дела, что Его предали по зависти, взял воду и умыл руки пред народом, говоря: «невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» (Мф.27:24). Иуда же, увидев, что Он осужден, отдал серебро архиереям со словами: «согрешил я, предав кровь невинную» (Мф.27:24). «И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Мф..27:25). И исполнилось написанное: «злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс.7:17). Пилат же сказал иудеям: «я не нахожу никакой вины в этом человеке»(Лк.23:4). И желая отпустить Его, говорит им: у вас есть обычай на праздник отпускать одного из заключенных. Итак слушайте: я отпущу вам одного, в ком не нахожу никакой вины. А они, крича, требовали отпустить убийцу, а о Том, кто оправдывает нечестивых, кричали: "распи" (Лк.23:21). Тогда Пилат предал Его после бичевания на распятие. Господь подвергся бичеванию, чтобы избавить нас от уз и бичей диавола; Он носил венец из терния, чтобы разрешить тяготевшее на нас проклятие. Терния и волчцы поведано было производить земле за преступление: она приносит терновый венец на главу, чтобы разрешить тяготевшее на нас проклятие. Он распят на древе, чтобы разрешить грех, происшедший чрез древо: чрез древо изгнал Адама из рая сатана, чрез древо же и Господь разбойника сделал обитателем рая. И вот что удивительно,

возлюбленные. В шестой день Господь сотворил Адама, и в шестой день он был изгнан из рая. Потому Господь в шестой же день открыл двери рая и ввел туда разбойника. Адам, преслушавший заповедь Господню, был изгнан из рая вечером. Вечером же и разбойник, послушавшийся гласа Владычня, был введен в рай.

Итак, когда увидел диавол, что все произошло по домостроительству (Божию), увидел бывшие у креста знамения: солнце померкшее, землю колеблющуюся, завесу храма раздравшуюся, скалы разверзающиеся и себя самого посрамленного, — он бежал к аду и сказал ему: «горе мне несчастному, я посрамлен; помоги моему бессилию; запрем двери, чтобы Он не вошел сюда; укрепим их запорами, и всеми силами противостанем, чтоб не принять Его». Итак, в ад побежал, запер двери и укрепил железные запоры. И вот Господь идет в ад, преследуя диавола, и силы небесные следуют перед Ним. Но ворота заперты. И воскликнули небесные силы: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы» (Пс.23:9). И говорит в ответ изнутри ад: «Кто сей Царь славы»? И опять говорят силы: «Господь сил, Он — царь славы» (Пс.23:10). Ад сказал в ответ: «кто есть Тот, о Ком вы говорите»? И если Он таков, что Ему здесь нужно? Зачем оставил Он небо и пришел сюда?» И отвечают силы: «так как Он есть Царь славы, Он пришел связать и предать тебе того, кто осужден за возмущение, и вызвать и вывести из тебя Своих воинов». Ад говорит диаволу: «треглавый Веельзевул, изверженный из ангелов, посмешище святых, бессильный, скрытый от света, не говорил ли я тебе — не воюй с Ним? Вот теперь исполняется то, что я тебе предсказывал. Что делаешь, несчастный? Зачем не послушал моих слов? Вот Он пришел требовать тебя и связать, из-за тебя и я стану пленником. Выйди, если можешь, и сразись с Ним, а я не могу тебе помочь». Диавол говорит ему: «сжался надо мною, — не открывай (дверей); иногда Он обращается назад, поборись за меня пока, хотя я и посрамлен; да и кто не посрамится от таких слов Его? Некогда, боясь смерти, Он сказал: «душа Моя скорбит смертельно». А в другой раз Он умолял Отца, говоря: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф.26:38, 39). Эти слова прельстили меня». Тот сказал в ответ: «И я несчастный тоже предполагал, что Он страдает, боясь смерти». Когда они говорили это, силы не переставали вызывать: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы» И пророки, услышав глас Царя славы, радовались и ликовали. Иоанн сказал: «Не говорил ли я вам, что Он придет и выведет нас?» Все радовались и говорили аду: «Открой свои врата, да внидет Царь славы». Но ад не повиновался. И сказал пророк Давид: «Оставьте его, так как должно исполниться мое пророчество. Когда я был на земле, я предвидел то, что будет, именно, что он не откроется сам собою, и сказал: «ибо Он сокрушил врата медные и вереи железные сломил» (Пс.106:16). И тотчас, приступив, Господь сокрушил врата и сломал запоры, и попрали силы ада, и муки смертные разрешил, и жало ада притупил. И исполнилось Писание: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа» (1Кор. 15:55)? Навстречу ему вышли пророки с радостью и ликованием, воспевая и говоря: «благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних» (Мф..21:9). Тогда взял Господь диавола и связал его узами неразрешимыми; Он послал его в преисподнюю ада и уготовал ему огонь неугасающий и червей неумирающих; там заключен он, плачущий и стенающий. А пророков Господь вывел всех из ада и сказал им: «следуйте в рай», — и они с радостью вышли из ада. Давид первый, ударяя по струнам кифары, возгласил с веселием: «Приидите, воспоем Господу, воскликнем твердыне спасения нашего» (Пс.94:1), потому что победил Царь, сражавшийся за нас». И все отвечали: «аллилуя». Давид опять возгласил: «Восплещите руками все народы, воскликните Богу гласом радости» (Пс.46:2), потому что победил Царь, сражавшийся за нас.

Так радуясь, они достигли рая и, вошедши туда, нашли там разбойника. С изумлением они сказали ему: «кто привел тебя сюда? Кто открыл тебе двери? За какие деяния вошел ты сюда прежде нас? Не разбойничать ли и сюда пришел? Не грабить ли и здесь явился? Мало было тебе земного, — хочешь похищать и небесное? Скажи нам, — кто привел тебя сюда? Не завидуем тебе, что ты вошел сюда, но хотим знать причину». Он сказал им в ответ: «По делам своим я недостоин войти сюда, но человеколюбивый и милостивый Владыка ввел меня сюда. Я не имею ничего доброго, почему и осудили меня иудеи на смерть вместе с бессмертным Царем; но, желая меня убить, они дали мне больше жизни, распяв меня со Христом. Увидев знамения, бывшие при кресте, и поняв, что Он есть Сын Божий, я громким голосом воскликнул следующие слова: «помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое» (Лк.23:42, 43). И тотчас приняв мою молитву, Он говорит мне: «истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк.23:43). Он дал мне знамение крестное, говоря: возьми это и иди в рай; если пламенный меч не допустит тебя войти, покажи ему царское знамение, и он откроет тебе двери. Я пошел, но пламенный меч, стерегущий рай, как только увидел меня, запер двери. Тогда я сказал, что Царь, ныне распятый, сам послал меня сюда, и показал ему крестное знамение. Тотчас же он впустил меня. Вошедши, я не нашел никого и, мысленно удивляясь, сказал самому себе: «где же Авраам, Исаак и остальное множество святых пророков»? И вот, когда я удивлялся и размышлял, явились мне с правой стороны востока два мужа, ветхие деньми, чудные видом и необыкновенные лицом. Они спрашивали меня, говоря: кто ты? Ты не Авраам, потому что у того священная одежда; ты не Моисей, потому что он гугнив и медленноречив, а у тебя ясная речь. Кто же ты? Ты нам кажешься разбойником, так как и одежда у тебя разбойничья. Тогда я признался, что я разбойник, и что Владыка рая ввел меня сюда, так как я сопутствовал Ему до смерти, которую Он претерпел за нас. Потом я спросил их: «А вы кто»? Один из них сказал мне в ответ: «я Илия Фесвитянин, я был вознесен сюда на огненной колеснице и еще не видел смерти, а тот, что со мною, Енох, который принесен сюда по слову Божию». Услышав это, пророки прославили Бога за такую милость, дарованную грешникам. А Господь, обезоружив смерть, поправ ад, исцелив древо деревом, разрушив врата и сокрушив запоры ада, связав диавола и освободив мир, вознес всех на небеса, воскресши из мертвых. Потому воспоем воплотившегося, прославим распятого, возблагодарим воскресшего, да и нас избавит Он из мрака грехов наших и сделает наследниками Своего царства. Ему подобает честь и поклонение с безначальным Его Отцем и Всесвятым и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.